

ПО ТУ СТОРОНУ ТУМАНА

Фантастическая повесть

Две мимолетно пересекающиеся истории на тему самого мистического из всех атмосферных явлений. Что может скрывать туман? Куда может привести? И можно ли от всего этого убежать?

Просьба не рассматривать рассказ как эхо Кинговского «Тумана». Ведь не все произведения про вампиров содраны с «Дракулы»...

1. ТЕНИ НА ОБОЧИНЕ

В тот вечер я сидел на кухне, погруженный в свои мысли. Ел печенье с молоком и смотрел, как плещется за окном, постепенно сгушаясь, апрельский туман. Крошки падали на стол. Даль исчезала в белесых сумерках. Негромко играло радио в комнате. И было хорошо сидеть вот так, ничем себя не напрягая. К тому же была пятница, и это означало, что на завтра можно даже не заводить будильник.

Я смазывал квадратики печенья своим любимым вишневым вареньем и отправлял в рот, запивая молоком из большой пузатой кружки. По радио запустили «Summer Son» группы «Texas» – песню, очень популярную прошлым летом. Я улыбнулся, сходил и сделал погромче. Мне было хорошо. Мне были по кайфу и печенье, и песня, и туман за окном. Кое-что, правда, неприятным грузом болталось на сердце, но так ведь не бывает, чтобы все было идеально, правда? Отношения с Ольгой у меня в последнее время оставляли желать лучшего. Похоже, это случается в жизни каждого мужчины. После примерно года отношений наступает какой-то критический период, когда начинаешь вдруг сомневаться. Причины возникновения таких сомнений бывают всякие, но остальные симптомы примерно одинаковы, я читал об этом в каких-то популярных книжках по психологии. Например, в последнее время у меня обострилось желание просто быть собой. Когда двое встречаются, это всегда ведет к появлению разного рода компромиссов. Так или иначе, приходится не быть (или стараться не быть) эгоистом. Нет, я совсем не против этого, даже наоборот, но просто с моей стороны почему-то уступок всегда было больше, и за год накопилось своего рода раздражение по этому поводу.

Впрочем, чтобы расставить все точки над «i», следует сказать, что я люблю Ольгу. До встречи с ней я долгое время был один, прошел непростой путь юношеских разочарований в жизни, а она привнесла в мою жизнь множество светлых, приятных моментов начиная с банальных совместных прогулок и заканчивая тем, что обычно бывает между мужчиной и женщиной. Впрочем, окончательно она ко мне так и не переехала, но от одиночества я был избавлен полностью. Правда неожиданно я вдруг начал ценить его, это одиночество, но это, как говорится, совсем другая история.

Я взглянул за окно. Туман еще более сгустился, полностью скрыв дорогу, пролегающую метрах в ста от моего дома, и уже подступил к растущим под окном деревьям. Белый саван мягко обволакивал молодые, недавно обозначившиеся, листочки.

Ха, поймал я себя на мысли, а не думать ни о чем серьезном не получилось! Ну и ладно.

Я допил молоко, взял с холодильника сигареты, и, накинув куртку, вышел на балкон. В воздухе слабо пахло чем-то морским, возможно водорослями. Я с утра чувствовал этот запах. Он не был неприятным, хотя и приятным его назвать тоже было нельзя. Но ощущать его в сотне километров от моря однозначно было непривычно и как-то неуютно.

Я поплотнее прикрыл за собой балконную дверь. Благодаря туману сумерки наступали проворнее. Габаритные огни проезжающих машин быстро сменились ближним светом. Серые силуэты спешащих домой людей были едва различимы в королевстве тумана. Я зажег спичку и закурил. Мне показалось, что родившееся пламя имеет какой-то странный розоватый оттенок, но я совершенно не придавал этому значения. Дым от моей сигареты улетал вверх, бесследно исчезая в насыщенном влагой воздухе, и в эту минуту мне вспомнился роман Кинга, в котором из тумана появлялись разные кровожадные твари и

хватали людей. Я криво ухмыльнулся. Кинг – писатель что надо, и умеет поиграть со страхом, но я, например, туман люблю. Связаны у меня с ним кое-какие приятные воспоминания еще с той золотой поры, когда я был старшеклассником. Я докурил, наблюдая, как плывут в белесой мгле очертания домов и вокруг огней возникают волшебные ореолы, затем вернулся в комнату.

Радио разродилось каким-то бездарным шедевром современной попсы, я его выключил, заменив телевизором. Дециметровые каналы, правда, не отличались хорошим качеством, но я привык. Просто никак не соберусь подключиться к кабельному. Я выбрал старый фильм «Обыкновенное чудо», не раз виденный. По крайней мере, отдохну от этих голливудских «шедевров», которые уже в печенках сидят. Я достал подушку и завалился на диван, намереваясь провести остаток вечера в приятном ничего-неделании. Ольге, вернее ее родителям, понадобилось срочно убраться на даче перед приездом какого-то родственника, заядлого рыболова, который пожелал пожить за городом. Там же она и собиралась сегодня заночевать, так что у меня был выходной. Ну и отлично. Лишний раз поворчать друг на друга мы сможем и завтра.

К середине фильма прием телека еще более ухудшился. Поцелкав каналы, я обнаружил, что помехи появились и на метровых каналах. Из-за тумана, что ли?

Когда фильм закончился, смотреть телевизор стало почти невозможно. Я как раз думал, что можно придумать по этому поводу, когда зазвонил телефон. Неприятное предчувствие кольнуло сердце. Не знаю, почему. Наверное, когда тебе хорошо, что-то обязательно должно нарушить идиллию. Обратитесь к законам Мерфи, в конце концов. Надеюсь, что, быть может, на этот раз обойдется, я поднял трубку.

Нет, не обошлось.

Слышимость была ужасной, но я, естественно, узнал Ольгу.

– ... такой туман, Игорь, ты не представляешь... приехать... сейчас, пока еще не...

Очевидно, она находилась в зоне плохого приема. До меня долетала лишь треть слов, и треть эта мне совсем не нравилось. Совсем.

– Солнышко, тебя очень плохо слышно.

– ... тоже слабо... не бросишь меня... вокруг такое твориться... родители... не будут...

Голос ее был тревожным, но, слава Богу, не истеричным.

– Оля, ты что, хочешь, чтобы я приехал к тебе?

– ... не знаю, как долго... пожалуйста, да... не смогу...

В динамике взорвались помехи, я услышал лишь еще одно «не смогу» и связь сдохла. Сердце у меня оборвалось. Какие бы разногласия между нами не возникали, я, тем не менее, любил Ольгу и если ей нужна помощь, то куда же я денусь... Но просто так бросаться в этот туман...

Я начал звонить Ольге. Полностью номер набрался лишь с третьей попытки, но соединения все равно не произошло. Запись женским голосом сообщила мне, что мой абонент не доступен. Потом добавила это же на английском. Понимая, что это вряд ли что-то изменит, я повторил попытку с городского. Нет, без разницы! Я положил трубку и попытался успокоить разбушевавшиеся нервы. Сделал пару-тройку глубоких вдохов и набрал родителей Ольги. Ответила мама. Слышимость тоже оставляла желать лучшего, но, по крайней мере, были понятны все слова. Я спросил про Ольгу, на всякий случай делая вид, что это праздное любопытство. Оказалось, что родственничек их приезжает утром и, следовательно, раньше завтрашнего полдня ее ждать не стоит. Я поблагодарил и уже собрался попрощаться, как Олина мама спросила, почему я не позвоню ей напрямую, на мобильный. Я ответил правду – про отсутствие связи.

Пропрощавшись, я несколько секунд стоял в раздумье. За окнами уже сгустилась тьма, не нарушаемая из-за тумана ни единым огоньком. Сколько же займет путь до дачи в этом тумане, если я возьму машину? В обычных условиях это минут двадцать – двадцать пять, а сейчас? Хорошо, если час.

Пока я думал, тот канал, на котором я смотрел «Обыкновенное чудо» окончательно засыпало «снегом». По инерции поцелкав кнопками, я убедился, что на других программах дело обстоит примерно так же. Тогда я выключил телевизор.

Вообще это сумасбродство, брать машину в такой вечер. Даже если знаешь дорогу как свои пять пальцев, даже если водительский опыт перевалил за семь лет и за рулем в последнее время приходится проводить по несколько часов в день, шанс влипнуть в неприятности все равно слишком велик. Неужели Ольга этого не понимает? Вроде бы не замечал у нее такого безрассудства. Вряд ли это простая девичья прихоть, иметь под боком кого-то, когда снаружи темно и страшно. А значит, ей действительно нужна помощь! Но, черт возьми, что же могло случиться!?

Блин! Я еще раз попытался дозвониться до нее, услышал ту же самую фразу про недоступность абонента и решил. Куртка, кроссовки, ключи от гаража и машины, фонарик. Некоторое время я еще нервно бродил по комнате одетый, мечтая, чтобы этот кошмар кончился. «Ну, позвони же, – молил я. – Скажи, что все в порядке». На кухне, повинуясь какому-то импульсу, я сунул в карман оставшееся печенье. Потом сделал еще несколько попыток дозвониться любимой. Заряд батареи показывал одну треть. Я решил побереечь его, потому что ждать, пока он зарядится, я явно не мог. Напоследок опробовал

еще раз городской телефон. На этот раз, сколько я не старался, после цифры выхода на межгород слух резали короткие гудки.

Я разразился ругательствами и направился к двери.

Спустившись по лестнице, освещаемой лишь одной слабой лампочкой на втором этаже, я выскочил во двор и оказался в царстве тумана, буквально остолбенев от масштабов явления. За те два часа, что я пришел с работы, он превратился из легкой дымки, дремавшей по низинам и оврагам в настоящую непроглядную мглу. Видимость составляла метров пятьдесят, не больше. И то, это было расстояние до мощного источника света, как, например, фары автомобиля, или уличная рекламная вывеска. Редких прохожих я замечал лишь в непосредственной близости. Неужели я решусь на это безумие – ехать на машине в такую погоду!

Но я *уже* решился.

На мое счастье гараж у меня находился не очень далеко. Пять-семь минут. Пообвыкнув к творящемуся вокруг безобразию, я немного ускорил шаг. Было тихо. Туман лукаво скрадывал звук шагов. К запаху моря, который я почувствовал на балконе, примешивался аромат прелых листьев и какой-то холодной сырости. Пахло совсем не по-городскому. И вообще не верилось, что эти запахи мог принести туман.

Свернув с дворовой дорожки на уличный тротуар, я чуть не наткнулся на двух молодых весело щебечущих девушек. Одна из них была яркой блондинкой, и мне показалось, что ее волосы мягко светятся в тумане. Они рассмеялись, пролепетали извинения, и пошагали дальше своей дорогой. Никаких проблем, никакого страха. Язвительный бесенок сомнений снова забрался ко мне на плечо. Почему у меня не получается жить так же просто? Что-то вечно заставляет все обдумывать, сдерживать себя, боясь сделать или сказать что-то не то и не так. Может, просто я такой?

Мои мысли вернулись к встретившимся девушкам. Было очевидно, что туман ни капли не страшит их. Возможно, дело в том, что они вдвоем, а до дома им какая-нибудь сотня метров. А что чувствует моя Оля, совершенно одна на этой чертовой даче? Угораздило же! А как спокойно начинался вечер...

Я дошел до дороги и остановился. Редкие машины ползли, выставив перед собой тусклые пятна света. Выхлопные газы клубились в унисон туману и в нем же растворялись. Я выждал немного, собираясь с мыслями. Не хватало еще попасть под машину. Когда никаких огней вокруг вроде бы не наблюдалось, я быстро перебежал дорогу, в конце чуть не споткнувшись о бордюрный камень. Через несколько секунд позади прогрехотал грузовик. Четыре фары вынырнули из тумана так быстро, что я аж вздрогнул. Чуть опоздай я, однако... Еще я заметил, как странно распространяется звук в тумане – приглушенно и с какой-то загадочной поправкой по направлению. Сделав пару глубоких вдохов, я зашагал дальше.

Редкие уличные фонари, кое-как разбавляющие молочную мглу желтоватым свечением, остались позади. Ориентируясь практически интуитивно, я свернул в подворотню, осторожно, чтобы не зацепиться за кусты или какой-нибудь столб, миновал квадрат неухоженного двора с испуганными тусклыми огоньками окон, и вышел с противоположной стороны. Передо мной был небольшой старый парк, граничащий со школой, в которой я когда-то учился. Нырять в полную тьму не хотелось, но это была самая короткая дорога. К тому же я бродил здесь сколько себя помню. Днем и поздней безлунной ночью, зимой и летом... Это был (и, в принципе, остается) мой район. Правда, сейчас черные ветви на фоне темно-серой зыбкой пелены выглядели как никогда зловеще, а мохнатые лапы елей навевали мысли о классическом ужастике. Интересно, Стиви, такой же «молочный кисель» навевал тебе твой «Туман»? Я вспомнил, что в каком-то предисловии к своему роману Кинг жаловался, что ненавидит, когда его называют Стиви, и это рассмешило меня. К тому же я вспомнил, что у меня есть фонарик. От него, правда, мало толку, но все-таки...

Я пошел боковой аллеюй, постепенно углубляясь в сердце парка. Не раз прогуливали мы уроки, дурачась на его лавочках, сейчас уже не существующих, висели на корявых акациях и перебрасывались сосновыми шишками. Сейчас прогуливают уроки уже другие, и, конечно, не так. Иногда в дальнем конце парка, где он соседствует с бывшим складом, на бревнах, собираются подростки. Мы тоже бывали там в свое время, но, в отличие от нынешних, по крайней мере, хоть как-то замечали следы своего присутствия – пустые бутылки, мятые пачки сигарет, а иногда и кое-что покруче. И хоть прошло не очень много времени с тех пор, это кажется мне таким же далеким, как какая-нибудь мезозойская эра. Раньше, когда на бревнах становилось шумно, я спешил туда, поближе к веселью. Теперь в таких случаях я стараюсь обойти это место подальше. Быть может, нынешняя молодежь ничем не хуже нас самих десять лет назад, но... Зачем искать на свою задницу лишние неприятности, верно?

Сейчас повсюду было тихо. Мне бы хотелось добавить: «как в сказочном лесу», но с лесом сравнение совсем не подходило. Дорожки в ночном тумане среди притаившихся кустов и деревьев напоминали скорее донельзя передержанную в проявителе фотографию. Ничего, кроме черного и серого. Морской запах был и здесь, но более приглушенный и более нереальный. У меня все-таки закралась мысль, что так пах сам туман.

Я поежился. Сырость начала проникать мне за воротник. В одном месте, посветив фонариком, я срезал путь по газону и увидел, что трава мокрая от росы. Так же, как и асфальт, на который я затем ступил. Поблизости от древнего, наверное, помнящего меня еще первоклассником, миндаля, чьи корявые ветви задумчиво нависали над дорожкой, я услышал впереди по курсу чьи-то голоса, и, выключив фонарик, на всякий случай отступил в сторону, к дереву, попутно пожалев, что не взял ничего для самообороны. Я прислонился к влажной шершавой коре и через несколько секунд мимо меня прошествовали две фигуры. Огоньки сигарет какого-то странного голубоватого, как газ на кухне, оттенка проплыли в двух шагах. До меня донеслось что-то о «прибытии груза» и «недостающих бабках», сказанное с каким-то странным акцентом. Двое прошли. Я выждал полминуты и распрощался с миндалем, мысленно пожелав ему долгих лет жизни.

Когда я почти пересек парк, откуда-то со стороны склада донесся протяжный крик, и у меня внутри все похолодело. Я даже толком не понял, женский крик, или мужской. Но он больше не повторялся, и мой пульс понемногу вернулся в норму. Кое-как помогая себе фонариком, я проплыл еще немного в болоте тумана.

Свернув на тропинку, ведущую к скрипучей калитке, я спугнул какую-то птицу, вылетевшую прямо из-под ног. Даже сквозь непроницаемую тьму я ощутил близкое трепетание крыльев. Он неожиданности я вздрогнул и выругался, чувствуя, как сердце забухало внутри. Чертов голубь! Может, не голубь, кто-то еще. Видимо, птица выбрала здесь место для ночлега, а я спугнул ее. Хм, все-таки как-то странно. Мне почему-то казалось, что городские птицы ночуют где-то на чердаках или, может, деревьях, но не на земле. Впрочем, я никогда не интересовался этим вопросом.

Наконец тонкий луч фонарика коснулся ржавых прутьев калитки. Я выключил его, справедливо полагая, что он еще может понадобиться. Где-то, возвращая меня к реальности, загудела машина, я даже профессионально определил, что это дизель, но ни малейшего отсвета фар в округе не было заметно. Первую мысль о том, что туман стал еще плотнее, я отбросил. Это казалось полным бредом. Куда ж еще плотнее!? Я и так не припомню за всю свою жизнь такого молочного безумия, как сегодня.

Но я забыл, что рекорды рано или поздно бьются.

Как бы то ни было, вскоре я был у гаража – похоже единственный человек в краю железных теремов на этот час. Псих, иными словами.

Я достал из кармана ключи, полминуты пытался попасть в скважину замка. Даже с зажженным фонариком, это получалось с трудом. Наконец ключ вошел по назначению. Два оборота. Замок был старый, надежный. Такой еще называют «амбарным». Я откинул дужку, снял его. Еще некоторое время сражался со вторым, внутренним. Наконец, гараж был открыт. Я дернул на себя створку ворот. Капли росы, висевшие на металле, стрельнули мне в лицо. Пахнуло старым автомобильным хламом, бензином, резиной. Привычные ароматы немного успокоили меня. Как там у «Чайфа»: «Мне нравится запах ночных машин. В них хранится воздух дневного тепла».

Я шагнул внутрь, оглянулся. Мне показалось, что туман стал белее, или это просто глаза привыкли к темноте. Говорят, долго идущий во тьме человек способен различить огонь костра на расстоянии десятков километров. Это вранье, мне думается, но тем не менее... А еще мне показалось, что туман дышит. Не ползет, не колышется, не клубится. Просто в одном месте становится чуть тоньше, темнее, в другом – плотнее. И наоборот. Возможно, это была игра света где-нибудь по ту сторону тумана – в обычные ночи сюда доставали огни со склада. Или причиной тому было какое-то движение воздуха... Не знаю.

Вдалеке, со стороны жилого квартала, вдруг завыла собака. Ее поддержал еще один пес. И еще. От этого воя мне стало как-то не по себе, и я поспешил нырнуть за руль.

Водительское кресло «Жигулей» привычно прогнулось подо мной. Машину я ставил часа три тому назад и двигатель должен был быть еще теплым. Я повернул ключ в замке зажигания и через три секунды автомобиль завелся. Так и должно быть – машина, в принципе, меня кормит, поэтому я хорошо за ней слежу. Если бы не полная уверенность в своем железном коне, я не бросился бы так легко в эту ночь. Впрочем, легко ли?

Я снова подумал об Ольге. Все это время я пытался отгонять мысли о том, что могло случиться с ней на даче, да и сейчас мне чертовски не хотелось об этом думать. Грабители, дикие животные, прорвавший водопровод... Моя фантазия могла развить любую из этих, или десятка других тем, но версия с ворами, ну, или каким-нибудь маньяком, была самой страшной. Если, однако, заикливаться на плохом, я или не тронусь с места или далеко не уеду. Нужно было брать себя в руки, что я и попытался сделать.

Взгляд на часы сообщил мне, что я шел до гаража десять минут – вполне приемлемо – и сейчас начало десятого. Я подождал немного, пока двигатель прогреется, и дал реверс. Вспыхнули фонари заднего света, выхватив из туманной мглы стоящий напротив гараж с начертанным на воротах номером «20». У меня на бампере сзади установлена дополнительная фара, так что в обычных условиях света хватает с лихвой, однако сейчас пробить туман было весьма сложной задачей. Я осторожно вывел машину из гаража, нетерпеливо опробовал на молочной пелене дальний свет. Масштабы бедствия меня ужаснули.

Не жалуясь на глазомер, я определил максимальную видимость при всех фарах (две обычных, две – смешно сказать – противотуманных) в сорок–пятьдесят метров. Я вышел из машины и с волнением оценил картину. Галлогенки хорошо размазывали свет по бокам, противотуманки пробивали во мгле два узких конуса, но реально совершенно не оправдывали свое название. Туман едва заметно клубился, белесый впереди, желтоватый по борту. Эх, мне бы корабельный прожектор на крышу! Я вполголоса выругался и направился закрывать гараж. Где-то снова завывла собака, пока что одна. Вой напомнил мне, что кроме складного перочинного ножика, лежащего в бардачке, у меня не было никакого оружия. Когда-то я возил с собой баллончик со слезоточивым газом, но он, ни разу не востребованный, успешно потерялся и я даже представить не мог, где он сейчас. Порыскав глазами в вязких желтовато-серых сумерках, я наткнулся лишь на старый большой молоток. Что ж, ну хотя бы молоток!

Я закрыл ворота на единственный навесной замок и вернулся к машине. Сердце тревожно стучало. Собаки смолкли, но сквозь урчание прогревающегося двигателя я услышал совсем рядом какой-то шорох на крыше соседнего гаража. Боковым зрением я различил крупную тень. Проверять, была ли это кошка, не хотелось. Я запрыгнул в машину и захлопнул за собой дверцу. Не то, чтобы я испугался какой-то тени, просто туман стал действовать мне на нервы. В таких случаях лучшее успокоительное – движение. Я всегда чувствовал себя комфортнее, когда находился в пути, облегчение почувствовал и сейчас, когда включил передачу и отпустил сцепление.

Автомобиль тронулся с места. Я миновал мрачные ряды гаражей и выехал на улицу. К внешним неудобствам через пару мгновений добавилось запотевшее изнутри стекло. Я чуть приоткрыл окно и включил обдув. Перед собой я видел лишь небольшой кусок дороги, мистически выныривающий из белого мрака. Туман переливался в свете фар, оседал на капоте и лобовом стекле, вынуждая время от времени пользоваться «дворниками». В первые же минуты своего путешествия, я понял, что искать какое-то успокоение в *таком* движении невозможно. Езда в тумане не только не может его дать, но и наоборот выжимает все соки, держа в постоянном нервном напряжении. Я ехал, инстинктивно вытянув вперед шею и вперив взгляд в кисельное безумие. Скорость была километров тридцать, может, тридцать пять – чертовски неудобные цифры. Для второй скорости много, для третьей – мало. Я то и дело играл рычагом переключения скоростей, пытаюсь найти оптимальный режим езды. Мне бы хотелось ехать быстрее – но пока я не мог разогнаться. Дорога была извилистой и усеянной разными ямами, которые, замечались, естественно, лишь перед самой машиной. Чтобы хоть как-то подбодрить себя, я потянулся к магнитоле.

Я люблю музыку. Она очень часто помогает в жизни, скрашивает одиночество и может служить приятным фоном, когда вас двое, не дает уснуть после восьмичасового пути, когда ты выжат как лимон и, наоборот, запросто способна сыграть роль колыбельной. Все дело в конкретной ситуации и конкретной музыке. Сейчас вот я не отказался бы от чего-то мелодичного и одновременно с хорошим ритмом: «Road to Hell» Криса Ри или «За семь морей» Кузьмина, а то и – черт с ней, с мелодичностью – что-нибудь вроде Rammstein. На деле же из колонок полилась пересыпанная помехами плачущая Буланова. Еще один канал крутил англоязычный рэп, остальные – при хорошей погоде я порой накручивал шесть-семь станций – попросту не ловились. Я оставил рэп, хотя от этого стиля мне было ни тепло, ни жарко. Просто выискивать в бардачке кассету на ходу я не мог, а на этой волне было поменьше помех. Вообще, я начал склоняться к мысли, что проблемы с радиоволнами однозначно вызваны туманом. Телевизор, радио, мобильные (хотя насчет последних не было полной уверенности) – это не могло быть просто совпадением. Сердце неприятно закололо. Прежняя моя симпатия к туману постепенно улетучивалась. Я снова подумал об Ольге, которая тоже иногда почитывала и Кинга, и Кунца. Как там она?

«Держись, детка, я уже еду», – беззвучно прошептали мои губы, и я крепче сжал в руках руль. Хотелось курить, но я решил пока не отвлекаться на это, опасаясь потерять контроль над дорогой, которой почти не существовало из-за серой непроницаемой мглы.

Я, наконец, покинул территорию узких улочек и вырулил на проспект, где столкнулся с одной неожиданной проблемой. Интуитивно в такую погоду мне хотелось держаться правой стороны дороги, но там начали попадаться оставленные естественно без всяких габаритных огней машины. Левая полоса тоже была достаточно опасна и из-за близости к встречной и... вообще. Единственное, что радовало, так это горящие фонари, придающие туману розовато-оранжевый оттенок и дающие хоть какое-то освещение. На проспекте еще наблюдалось небольшое движение. Я встретил медленно ползущий троллейбус, напоминающий своими светящимися окнами летучий голландец. Такси вынырнуло из подворотни, я едва успел отклониться к центру дороги. Некоторое время мы шли параллельным курсом, затем он пропустил меня вперед и приготовился за моей спиной к повороту налево. Еще через минуту меня догнал черный высокий джип, и гудком попросил убраться с его пути. Я осторожно сместился к тротуару, и он пронесся мимо, исчезая в тумане, черный, загадочный, с самоубийственными в такую погоду тонированными стеклами.

Перед кольцевой развязкой музыку прервали экстренным сообщением, и я сделал громче. Штаб гражданской обороны города предупреждал о неблагоприятных погодных условиях и резком ухудшении видимости, советовал не покидать дома и не пытаться выезжать на машине. Это было повторено еще раз,

затем музыка вернулась, ничем больше не прерываемая. Похоже, даже диджеи давно разбрелись по домам, поставив в эфир коллекцию сладкоголосых мальчиков и пустоголовых девочек. Сбавив скорость, я все-таки выудил из бардачка первую попавшуюся кассету и сунул в щель магнитолы. «Queen». Сборник. Нормально.

Мифическими маяками выплыли из мглы мигающие желтым светофоры на пешеходном переходе. Памятуя, как сам недавно перебежал улицу, я сбавил ход и внимательно осмотрелся. Проехав переход, я все-таки потянулся за сигаретой. Дым приятно зашекотал горло, и я почувствовал себя чуточку спокойнее. Доберусь. Просто должен.

Я свернул на второстепенную дорогу, и фонари остались позади. Лишь в одном месте – в самом начале – мрак прорезала «кислотная» вывеска известного в городе ночного клуба. У входа курили три человеческие фигуры, превращенные туманом и светом от рекламы в что-то совершенно нереальное. Несколько машин стояли на площадке-стоянке, одна с зажженными (спасибо!) габаритными огнями – у тротуара. Из клуба доносилась приглушенная музыка, если эти пульсации можно было назвать музыкой. Несмотря на безразличие к такой форме времяпрепровождения, я порадовался, что есть люди, которым ничто не может помешать веселиться, даже этот молочный конец света.

Я миновал клуб, безуспешно сражаясь с обступившей со всех сторон мглой, подъехал к пустынному перекрестку. Я был на главной, но на всякий случай сбавил газ и, как выяснилось, не зря. Слева послышался резкий вой сирены, из тумана вынырнули синие и красные сполохи. Я ударил по тормозам, и через миг в свете моих фар пронеслась милицейская машина с включенной мигалкой. Вот уж кому сегодня полно работы...

Через квартал я наткнулся на две разбитые машины. Дорогу в этом месте с двух сторон закрывали густые кусты, еще толком не распустившиеся, но уже создающие достаточно помех для обзора выезжающим с боковых улочек машинам. Помноженное на туман и, возможно, запотевшие стекла, это обстоятельство, видно и стало причиной ДТП. Вначале я подумал, что ментовка спешила именно сюда, но кроме двух врезавшихся под прямым углом тачек, других автомобилей я не увидел. Что самое странное, я не увидел и их хозяев. Не было также никаких любителей поглазеть, без которых обычно не обходятся такие инциденты. Удар, как я понял, не был сильным, и, хотя ремонт потребует от обеих сторон немалых затрат, серьезных пострадавших в этой аварии не должно было быть. Я подъехал поближе, остановился, собираясь по шоферской привычке спросить, не нужна ли помощь? Но возле машин никого не было. Вообще. Не заглушая двигатель, я открыл боковое окно и выглянул в ночь. Никаких звуков громче урчания моего мотора, никаких мельтешащих теней за границей светлого пятна от фар. Как-то не так все это.

– Есть кто живой? – с гулко бьющимся сердцем спросил я у темноты.

Темнота не ответила и тогда я, собравшись с духом, заглушил двигатель и, зажав в одной руке ключи, а во второй – прихваченный из гаража молоток, вышел из машины. Наверно, я смотрелся глупо, но мне было плевать.

Туман стеной обступал место происшествия. Я ступил в свет своих фар, по земле растянулась изогнутая тень. Ближняя ко мне машина, популярная нынче «Дэу» серебристого цвета, стояла с зажженными габаритными огнями. Дверца со стороны водителя была открыта, в салоне горел свет. Я опустил глаза и разглядел на асфальте четкий тормозной след. Тачку пронесло «юзом» метра три. Видимо водитель все-таки успел худо-бедно среагировать на опасность, но было уже поздно. ABS не помогла. В неприятной, полной напряжения тишине я приблизился к «Дэу». Марку машины, в которую угодил «кореец», я не знал, но, судя по формам, это был «Фиат». Взгляд на решетку радиатора подтвердил мою догадку. Я оценил общие повреждения. У «Дэу» был разбит передок, смято правое крыло. Осколки фар разметало по округе. «Фиат» получил основной удар в левую заднюю дверь. Остальные шрамы ограничивались широкими царапинами. Все очевидно: один шел прямо, второй выезжал из поворота. Непонятным было то, куда подевался народ? Да и кое-что еще меня смущало.

Я обошел «поцеловавшиеся» машины вокруг, не в силах избавиться от ощущения «неправильности». «Фиат» стоял с погашенными огнями и плотно закрытыми дверцами. Салон, однако, был пуст – лучи моих фар насквозь пронзали эту странную железную композицию несмотря на легкую тонировку стекол обеих машин. На дверце багажного отделения значилось «Cinto». Я в первый раз слышал это название. Быть может, новая модель? По виду, вроде нет, скорее наоборот. Продолжая игру в сыщиков, я прикоснулся к капоту «Дэу». Он был еще теплым, хотя туман уже оставил на металле свои влажные следы. По инерции я коснулся капота и другой машины. Он был ледяным. Я даже отдернул от неожиданности руку. Возможные объяснения, о другом расположении двигателя и системы охлаждения не прокатывали. Мне стало совсем уж не по себе, и я попятился от брошенных автомобилей по направлению к своему. Около распахнутой дверцы «Дэу» что-то хрустнуло под моими кроссовками. Опустив глаза вниз, я увидел, что это обычная авторучка. Я поднял ее и почувствовал, что пальцы коснулись чего-то липкого. Поднеся авторучку к свету, я увидел, каков цвет у этого «что-то». Темно-

красный. Страх подсказал единственный ответ на подразумевавшийся вопрос, и я метнулся к своей машине.

Едва я коснулся ручки двери, за кустами послышался шорох. От этого звука мерзкий холодок потянулся вверх по моему позвоночнику. Тяжело дыша, я прыгнул за руль и воткнул ключ в замок зажигания. Двигатель взревел, и автомобиль с пробуксовкой тронулся с места. Меня чуть занесло, и я проскочил в десяти сантиметрах от разбитой «Дэу». Взглянув в зеркало заднего вида через несколько мгновений, я не увидел ничего, кроме тумана.

В себя я пришел лишь через пару километров, закулив еще одну сигарету. Не исключено, что в той автомобильной аварии все было банально, и моя помощь, не исключено даже, пришлось бы кстати. Однако воображение нарисовало другую картинку. Кто-то специально выкатил темный «Фиат» с потушенными фонарями на дорогу, а когда в засаду попал чересчур резвый водила, его чем-то вырубил, затем ограбили. Я представил, как наблюдают за мной из-за кустов бандюки, провернувшие это дело, решая, что со мной делать, и меня передернуло.

Окурочек полетел в темноту, рассыпался искрами позади машины. Суки! Интересно, жив ли хозяин «Дэу» или его успокоили навсегда? Я несколько раз пристально всмотрелся в зеркало заднего вида – не следит ли кто за мной, потом нашел более-менее удобное место для остановки и полез в карман за телефоном. Во-первых, позвонить в милицию, во-вторых, еще раз Ольге. Я достал мобильник, привычно наощупь разблокировал кнопки... Только вот результата не было. Экран не светился. Причина стала ясна через пару минут нервных попыток оживить устройство. У телефона разрядилась батарея. Почему – я понятия не имел. Той трети заряда, что высвечивал индикатор, когда я звонил с него из дома, могло хватить на сутки, а то и больше. Могло. Но не хватило.

Туман что ли энергию высосал? Бред!

Но телефон был разряжен, и ничего с этим не поделаешь. Автомобильного адаптера у меня не водилось, обычный зарядник, само собой, остался дома. Да и куда его втыкать?

Черт! Черт! Черт!

Я достал прихваченный из дому фонарик, включил его. Свет вспыхнул слабый, но вспыхнул. Значит, батарея села от постоянных поисков сети. Или что-то в том же духе.

Я понял, что начинаю отвлекаться от главного, и одернул себя. Без паники! На мобилах свет клином не сошелся. Они вошли в нашу жизнь (в мою уж точно) совсем недавно. И я еще не забыл, как люди жили до их появления. Пользовались телефонами-автоматами, например.

И где ближайший?

Я подумал и вспомнил, что на конечной остановке 16-го автобуса должен быть круглосуточный магазин с телефоном. Это, конечно, отклонение от намеченного курса, но совсем небольшое.

Значит, туда.

Я не хотел в это верить, но, похоже, туман сгустился еще чуть-чуть. Фары пробивали мглу на расстоянии метров тридцати, а потом вязли в ней, как в настоящем киселе. Радио сдохло, так же, как недавно телевизор. Последней песней, которую услышали мои уши благодаря какому-то придурку с радиостанции, был Добрынинский «Синий туман». Очень к месту, право слово!

Я свернул с дороги в мрачное ответвление и осторожно объехал по обочине огромную лужу, набежавшую из какой-то прорвавшей трубы. В свете фар она казалась бездонной, а туман вокруг вызывал ассоциации с болотом. Когда я вплотную приблизился к воде, мне на мгновение показалось, что там есть что-то живое. Игра теней, и только, убедил я себя.

Машина еле ползла. Эти края я знал не очень хорошо. Северная окраина. Есть такие местечки в каждом городе. Если у человека есть выбор, то он никогда здесь не поселится. Старые обветшалые дома, до которых нет дела местным властям, раздолбанные дороги, заброшенные дворы, одичавшие псы и заросшие сорняками палисадники. Основной контингент – старики и алкоголики. И вроде бы нет ничего особенного во всем этом, не раз бывал я в похожих местах, но почему-то именно в этом районе я чувствовал какой-то явственный дискомфорт. Ничего, я не собираюсь здесь задерживаться.

Я свернул к Конечной. Это было, правда, слишком громкое название для площадки, где раз в полчаса на пять минут останавливается автобус и где, естественно и не пахнет никакой диспетчерской, но на выцветшем знаке с трафаретным изображением автобуса и цифрой «16» напротив буквы «А» значилось, насколько я помнил, именно это.

На повороте фары выхватили из сумрака стоящий на кирпичах «Запорожец» без колес. Еще один штрих к общей картине здешней жизни. И ведь, что интересно, я сам, можно сказать, вырос на окраине, в старом дворе. Оля живет в частном доме, правда, ближе к центру. Однако никаких отрицательных эмоций по этому поводу я никогда не испытывал. Здесь же, как аномалия какая-то...

Ольга. Нужно обязательно попытаться позвонить ей. Ей даже в первую очередь. Я попытался вспомнить, много ли осталось у меня минут на телефонной карточке – я ей давно не пользовался. Или у них там телефон по монетам?.. Но тогда я не смогу позвонить на мобильный. Я был в том магазине раз

или два в своей жизни и не помнил этих мелочей, которые оказались сейчас так важны. Блин, ладно, разберемся.

Магазин назывался «Светлячок». Вывеска, освещенная слабой лампочкой вынырнула из тумана лишь когда я коснулся колесом бордюра. Я проверил бумажник, предусмотрительно вынул из него телефонную карточку и на всякий случай прихватил из бардачка перочинный нож. Затем закрыл машину и двинулся в сторону магазина. Сгорбленная тень, стоявшая неподалеку, при моем появлении растворилась в тумане. Если у этой тени возникнет желание поживиться моим аккумулятором, а в таких районах это обычное явление, ее ждет глубокое разочарование. Капот у меня под замком. Вдобавок, к попавшемуся на воровстве я буду беспощаден.

Мда... Важнее, пожалуй, чтобы аккумулятор, пока я звоню, не сдох, так же как его маленький братец в мобиле.

Магазин, судя по вывеске, не был круглосуточным, как я полагал. Он работал до 23, но при нем была стандартная «наливайка», а это, скорее всего, означало функционирование до последнего посетителя.

Я вошел. Внутри «Светлячок» делила пополам резная решетка. С одной стороны этой решетки располагались витрины и полки, с другой – столики. За одним из таких столиков два неопрятных мужика распивали дешевую водку, закусывая чахлыми бутербродами и свекольным салатом. За другим – официантка в зеленом переднике что-то записывала в общей тетради. Облокотившись на прилавок, скуластая продавщица лет тридцати разговаривала с усатым длинноволосым парнем в желтом плаще.

Едва я вошел, взоры всех присутствующих обратились на меня. Даже женщина в переднике оторвалась от своей тетради. Я поймал взгляд ее бесцветных глаз и прочел в них кроме усталости что-то еще, коварное и неприятное. Один из двух алкашей взглянул на меня с откровенной ненавистью, парень в желтом плаще лишь с интересом прищурился. Я заметил шрам на его щеке, прикрытый прядью темных волос. Да, неприятная атмосфера тут, однако.

Я оглянулся в поисках телефона и, увидев его, сразу взял быка за рога:

– Можно позвонить? Здравствуйте.

Пару секунд в магазине висела напряженная тишина. Затем женщина за прилавком махнула рукой, проронив:

– Звони.

Я отошел к висящему на стене автомату и увидел, что он, к счастью, работает по карточке. Жаль, конечно, что это не современный аппарат с экранчиком, показывающим набираемый номер и остаток минут на счету, но хоть так. Главное, чтобы работал. Я снял трубку и, услышав гудок, облегченно вздохнул. Хорошее начало. Долгие одиннадцать цифр, и вот уже мое сердце готово вырваться из груди. Тихий гудок и, кажется, соединение произошло. Но кроме насыщенной помехами тишины, я ничего не услышал.

– Алло! Оля, это я. Алло!

Мне казалось, я сойду с ума. На какой-то миг мне почудилось, что я слышу ее голос, но тут же появившийся треск заставил меня усомниться в этом. Я сильнее прижал трубку к уху. Вот. Еще. Я явственно услышал далекое «Алло», но в следующую секунду эфир заполнили короткие гудки. Я нервно облизнул пересохшие губы и повесил трубку на место.

– Что, никак, приятель? – с едва уловимым ехидством спросил парень в плаще.

Я обратил внимание, что за все время, проведенное мной у телефона, в обоих залах не было произнесено ни слова. Прямо как в киношных салунах, когда заходит незнакомый ковбой. Что ж, поиграем. Пропустив мимо ушей реплику человека со шрамом, я прошел к прилавку и, вытащив горсть мелочи, заказал пачку сигарет.

– Интересных все-таки пташек заносит к нам иногда, – не унимался парень. – Выныривают из тумана, как черти из табакерки.

Он словно прожигал меня взглядом, и я заметил, что у него разные глаза – один холодного голубого оттенка, другой – серый. А еще он был сантиметров на пять выше меня ростом. Мне не хотелось дурацких стычек, тем более, что я не просто вышел на променад. Моей помощи ждала Ольга и я не мог попусту рисковать собой из-за глупой свары в захолустном сельпо, но порой и у меня слегка «срывает планку», когда всякие придурки пытаются встать на моем пути. В данной ситуации я решил опробовать немного нестандартный ход. Слегка улыбнувшись, я подмигнул стоящему рядом длинноволосому:

– А ты, кажется, играл в группе «Dark Moon», да?

И, пока он обдумывал сказанное, снова направился к телефону. Дозвониться до Ольги опять не удалось. Тогда я набрал «02». Парень в желтом плаще хитро глянул на меня, и ничего не ответив, направился к столику, за которым пила водка. Похоже, неприятностей тут все-таки не избежать. «02» отозвалось. Я сообщил дежурному об увиденной аварии, назвал точное место. Когда меня попросили назвать себя, я хотел повесить трубку – мне уже однажды приходилось давать свидетельские показания и ничего хорошего эта процедура не представляла, но на этот раз таким образом я мог подстраховаться.

Имя, фамилия, место жительства и – самое главное! – нахождение в данный момент. Я назвал все, а последнее даже чуть громче, понятно по какой причине. Когда вопросы дежурного уже подходили к концу, я бессознательно чуть повернул голову и остолбенел. Продавщица по-прежнему стояла на своем месте, глядя куда-то вниз. Я проследил за ее почти ничего не выражающим взглядом. В промежутке между двух витрин, там, где стоял кассовый аппарат, я увидел ее руку. Полминуты назад, этой рукой с ярко-красным маникюром она протянула мне пачку «LM», а теперь ее ногти приобрели темно-бордовый оттенок и загнулись вперед подобно звериным когтям. Кожа тоже претерпела странные изменения, став сморщенной и серой. Мне было не видно второй руки, но и того, что позволял увидеть межвитринный проем, вполне хватало, чтобы заработать сердечный приступ. Ошарашенный этим ужасом, я повесил трубку на рычаг. Это, конечно, могло быть, и разыгравшееся воображение, но... С чего это вдруг? Мне захотелось бежать прочь из этого заведения, скорее оказаться за рулем, пусть даже в этом долбанном тумане. А через несколько дней убедить себя, что это все показалось...

Я повернулся к двери и увидел, что дорогу мне преграждает парень в плаще. Его шрам мерзко вздулся под волосами. Взгляд был похож на взгляд зверя. Позади него, напоминая зомби, стояли два алкаша и угрюмо пялились на меня исподлобья. Мне стало не по себе. Душа, что называется, ушла в пятки. Очень хотелось, чтобы это было похоже на обычные пьяные разборки, но сидевшая доселе молча за столиком официантка едва уловимо улыбнулась и мне стало не просто страшно, а *очень* страшно. У нее во рту я увидел клыки.

Моя рука нащупала в кармане перочинный нож. Без толку, конечно, но я не дамся просто так. Мое сознание уже начало прикидывать, не стоит ли прокрутить перед глазами кадры прожитой жизни, или напомнить, ради чего я рванул в этот туман образом бездыханной Ольги, как вдруг дверь в магазин распахнулась, и в проеме на фоне непроглядной мглы появился растрепанный всклокоченный молодой парень лет двадцати в грязных джинсах и следами губной помады на шее. Он немного пошатывался на ногах и, был, судя по всему, изрядно пьян.

Мое сердце екнуло. Я быстро глянул на ворвавшегося, затем на окружающих и... Продавщица поправляла волосы совершенно обычной рукой, никакой не серой и с банальным маникюром. Шрам парня в плаще снова принял обычные размеры. У официантки я не увидел клыков. Но мне не могло показаться!

– У вас телефон найдется? – спросил объявившийся парень заплетающимся языком. – И минералка.

Не дожидаясь продолжения, я стрелой вылетел в пахнувший морем туман, на ходу доставая ключи от машины. Местонахождение моих «Жигулей» я выявил лишь по тусклому отражению лампочки, освещающей вывеску «Светлячка», в лобовом стекле. К счастью, в замочную скважину удалось попасть с первого раза. Оказавшись в машине, я первым делом нажал кнопку фиксатора двери в закрытом состоянии. Потом завел мотор (к счастью с первого раза), включил все фары и, не парясь с реверсом, развернулся, влетев на тротуар. В этот момент из дверей магазина выскочил тот самый нетрезвый парень и бросился ко мне. Он что-то кричал про то, что я должен вытащить его из этой реальности (он выразился именно так, «этой реальности»), но я не собирался слушать его пьяные бредни, а просто дал газу. Хватит на сегодня ошибок. Я должен доехать до дачи! Что бы ни случилось!

На моем пути из тумана вынырнула клумба. Подскочив на бордюре, я перелетел через нее. Всклокоченный парень остался позади. «Светлячок», к счастью, тоже.

Туман в этих краях, не подсвеченный ни единым посторонним огоньком, казался невероятно плотным и непроглядным как дымовая завеса. Фары высветили мрачный поворот, и я свернул в него, памятуя, что объездная, к которой я стремился, лежит правее. Мне казалось, что любой поворот в нужном направлении приведет меня к цели, но через сотню метров асфальт неожиданно кончился, и пошла раздолбанная грунтовка. По бокам фары высветили полуразваленные одноэтажные домишки. Один раз мне пришлось объехать ржавый остов автомобиля, оставленный кем-то сбоку дороги много лет назад. Потом я уперся в разрисованную стену с надписями вроде «Punk not dead» и понял, что это тупик. Сердце, немного поутихшее после случая в магазине, снова гулко застучало. Этот район просто таки не хотел отпускать меня. Заблудись я тут один, без машины, я был бы близок к панике, но надежно урчащий мотор добавлял мне уверенности. Я почувствовал какую-то труднообъяснимую теплоту к своему автомобилю, и у меня промелькнула шальная мысль – если я переживу эту ночь, никто и никогда не станет между мной и моей машиной, потому что только вместе мы способны выстоять и победить. Сегодня – туман, завтра что-то еще. Нужно ценить дружбу и верность в этом изменчивом мире. Я прикоснулся к панели и представил, как мои мысли не подвести и быть со мной до конца перетекают в механическую душу. Только вместе. Навсегда.

И да нерушима будет эта клятва, данная в тупике всех миров в кромешной мгле вечности!

Я дал задний ход и попытался развернуться. Свет задних фонарей помогал очень слабо и когда из тумана вынырнул ствол большого дерева, я едва успел затормозить. Тормозные огни высветили испещренную трещинами кору, судя по всему шелковицы, по которой бегали странные насекомые белого цвета, отдаленно напоминающие муравьев, но гораздо крупнее. При виде этой мерзости меня

передернуло, и я поспешил завершить разворот. Однако за один прием сделать это было невозможно. Впереди маячила куча шлака, ограничивая место для разворота. Я еще раз посмотрел на существ, ползающих по стволу дерева и, сцепив зубы, снова воткнул заднюю. На этот раз дерево появилось в свете задних фонарей и исчезло, оказавшись по правому боку там, в мертвой зоне моих фар. От знания того, что сейчас эти суеязящиеся твари ползают в каком-то полуметре от меня, скрытые темнотой, мне стало жутко. Вдруг они прыгнут как кузнечики на машину и заберутся в салон... Фу! Я поспешил поскорей включить первую скорость и нажал на акселератор. Дерево осталось позади и, кажется, ничего не случилось, но мое желание как можно быстрее выбраться из этого района возросло в геометрической прогрессии.

Я вернулся к той дороге, с которой свернул на тупиковую ветвь, и попробовал следующий поворот. На этот раз асфальт, хоть и размытый многолетними дождями, никуда не исчез. Он вел мимо каких-то покосившихся сараев и ржавых металлических гаражей с одной стороны и местами обвалившегося каменного забора, за которым кое-где просвечивали тусклые редкие огоньки. В какой-то миг мне показалось, что огоньки перемещаются, пляшут. Если б не туман, я решил бы, что это где-то едут автомобили, но в таком непроглядном мраке, это означало, что светящиеся пятна танцуют где-то рядом, сразу за забором. Мне не хотелось думать о том, что же это могло быть. Невероятных вещей на сегодня хватало с лихвой.

Дорога свернула раз, потом еще. Я уже начал сомневаться в верности направления. Внутренний компас, если он у меня и был, в тумане отказал окончательно. Несколько раз я притормаживал, вглядываясь в черноту обочин, но никаких других поворотов видно не было. Путь тем временем продолжал вилить как змея и я понял, что окончательно заблудился. Некоторое время я ехал вдоль сточной канавы, забитой всяким мусором. Запах какой-то гнили и тухлятины, смешанный со ставшим уже привычным запахом тумана просочился в салон и я брезгливо сморщился. Через некоторое время помойка осталась позади, а меня ждало новое испытание, совершенно невероятное, с какой стороны ни посмотри. Позабыв, что на дворе совсем не осень, на меня посыпались листья. Это было настолько неожиданно, что я даже попытался уклониться от первых посланцев, нацеленных в мое лобовое стекло, приняв их за неизвестных животных. Но это все-таки были листья, хотя и не совсем обычные. Формой они напоминали дубовые, но были абсолютно черные. Вслед за первыми полетели еще. Листья появлялись в лучах фар из тумана, будто гонимые несуществующим ветром. Без преувеличения – они целились мне прямо в стекло, а, попадая, тут же к нему прилипали. Через миг мне уже пришлось задействовать «дворники». Листопад продолжался несколько секунд. У меня возникла мысль, что это представление устроило какое-то отдельное дерево или группа деревьев, на которых листья чудом сохранились зимой. Бред, конечно. Но еще большим бредом оказалось то, что листья, сбитые «дворниками» к черным точкам омывателя стекла принялись плавиться. Я не могу подобрать другого слова. Они таяли на глазах, словно масло на хорошо прогретой сковородке и с них текла темная жидкость. Один из таких «листочков», видимо, прилип к крыше и тонкая струйка потекла по стеклу. Я побрызгал на стекло водой и поработал «дворниками», напряженно вглядываясь во мглу, ожидая очередных странностей. И они не заставили себя ждать.

Передо мной появился перекресток, о котором сообщил знак «куступи дорогу». Согласно другому знаку попасть на главную дорогу можно было либо свернув направо, либо продолжая движение прямо. Направо уходила еще одна безымянная дорога – такие у меня уже сидели в печенках. Я выбрал поворот направо и, едва маневр был окончен, мой путь пересекла стая белых летучих мышей. Подобно трепещущим призракам они появились из тумана с одной стороны светового пятна от моих фар и исчезли с другой. Не смотря на нервные движения крыльев, их полет был очень даже грациозен. Я поймал себя на мысли, что на этот раз почти не удивился.

Через полкилометра, когда по бокам дороги прорисовались чахлые сосенки, среди которых местами был навален строительный мусор, мне показалось, я начинаю догадываться, куда меня занесло. Если моя догадка верна, то это дорога к старому заводу стройматериалов, закрытому еще в годы перестройки. От окружной, куда я собирался попасть первоначально, это, конечно, было черт знает где, но, по крайней мере, я выбрался из этих трупоб. Через несколько минут сбоку выплыл грязный кирпичный забор, и я облегченно вздохнул. Точно. В конце забора должен находиться пятачок стоянки и проходная. Я не стал мучить себя и машину разворотом на узкой дороге, это лучше сделать на стоянке. В принципе там должен быть сторож, можно попроситься к нему позвонить. Хотя... Нет уж! Хватит визитов в неизвестные места. Я доеду, и все будет хорошо.

Бордюр отступил вбок и я понял, что приехал. В этот момент окрестности разрезал незнакомый нарастающий звук, перекрывающий даже шум двигателя (у меня стояла «нейтралка»). Он напоминал что-то киношное, что-то... Я вдруг понял, что это – топот копыт, и в то же мгновение из тумана на меня выскочила четверка гнедых лошадей, запряженных в огромную черную карету. Глаза животных горели словно кошачьи в свете моих фар. Подковы стучали по асфальту. Гривы развевались. На козлах я заметил странного бородатого человека в камзоле и треуголке. Сворачивать он и не собирался. У меня перехватило дыхание. От ужаса, что карета мчится прямо на меня, я рванул руль вправо. Слава Богу, моя скорость была невелика. Машина, перескочив бордюр, ушла за обочину и экипаж пронесся мимо, окна

кареты были темны. При этом возница с ухмылкой посмотрел на меня сверху и звучно стеганул лошадей плетью. Я смотрел на это зрелище во все глаза. Сердце бешено билось.

Столб появился передо мной из тумана примерно в тот момент, когда прозвучал этот хлесткий звук и, честно говоря, засмотревшись на карету, заметил я его слишком поздно. Рефлекторно я ударил по тормозам и как мог быстро принялся крутить руль, стараясь уйти от препятствия влево. Это помогло, однако полностью избежать столкновения не удалось. Раздался звук удара, и меня по инерции бросило на руль. Двигатель заглох.

Вернувшись через секунду в вертикальное положение, я сразу понял, что у меня серьезные потери по матчасти. Столб поцеловал именно то место, где находилась правая фара. Естественно, она не горела. Уцелела, правда, противотуманка установленная ближе к центру, но по покрытию она явно уступала дальнему свету. В плане освещения я здорово осиротел.

Потирая ушибленную грудь, я опасливо выбрался из машины и первым делом посмотрел в сторону, куда умчалась карета. Там за туманом уже ничего не было видно. На какой-то миг, мне показалось, что я еще слышу затихающий топот копыт, но уже через секунду я не был уже в этом уверен. Да, ну это было уже явным перебором в ряду сверхъестественных вещей, которыми просто изобилует сегодняшний вечер! Слово с приходом тумана получили воплощение залежавшиеся с Хэлоуина приколы. А, может быть, это просто я схожу с ума, и моя фантазия рождает все эти необычности. Но, интересно, с чего бы это?

Я перевел взгляд в другую сторону, вернее какой-то звук привлек мое внимание там. Присмотревшись, я увидел на границе света и тумана очертания закрывающихся заводских ворот, только вместо привычного серпа и молота на решетке была выкована змея, обвивающая скрещенные мечи. Что самое занятное, справа от ворот маячил стенд с надписью «Доска почета». Не смотря на то, что мне было совсем не до веселья, я разразился безумным смехом.

Кроме фар, у «Жигулей», похоже, ничего важного не было разбито. Решетка радиатора, бампер и крыло не в счет. Это, правда, больше ста баксов убытков, но, по крайней мере, я могу ехать. Пока я осматривал повреждения, у меня появилось ощущение, что за мной кто-то следит. Я всмотрелся в туман, за которым угадывалась заводская проходная и эти пресловутые ворота с мечом и змеей, но ничего не увидел. Покрепче сжав прихваченный из салона молоток, я замер, прислушиваясь. Сердце дико колотилось в груди. Я проклинал всех и вся за то, что оказался по уши в этом дерьме. Думаю, досталось и Ольге. Через несколько мгновений раздался шорох. Звук шел откуда-то сверху, со столба, в который я врезался. Дрожащими руками я достал фонарик и осветил туда. Метрах в пяти от земли на столбе, обхватив его всеми четырьмя лапами, сидело странное рыжее существо, смесь белки и коалы. Никуда не торопясь, оно методично, не спеша, заглазывало какую-то маленькую птичку. Крохотное крыло торчало из зубастого рта. Взгляд зверя выражал полное безразличие к тому, что я нарушил его покой, врезавшись в облюбованный им столб. На всякий случай держа молоток наготове, я вернулся к двери и быстро запрыгнул внутрь, думая о том, что существо вот-вот спрыгнет мне на капот и уставится на меня своими ничего не выражающими блюдцами глаз, гипнотизируя, гипнотизируя...

Двигатель, к счастью, завелся без проблем. Я дал задний ход (при этом кусок решетки остался лежать под столбом) и снова выехал на дорогу. Если не считать серого перышка, спланировавшего на «дворник» в последний момент, ровным счетом ничего не случилось.

Завод (или теперь уже нечто иное?) остался позади. Без приключений я вернулся к развилке, не покидая главной дороги, повернул направо, и минут двадцать полз по разбитой грузовиками дороге. В первые мгновенья, как только я вернулся на твердую почву после аварии, у меня промелькнула мысль выйти из машины и осмотреть асфальт в попытке найти на нем следы подков, но я не стал этого делать. Не знаю почему. Может быть, из-за страха. Или страха их там обнаружить. Как бы там ни было, выходить из машины совсем не хотелось. Хватит с меня и того, что я видел. Фильм ужасов какой-то! Мне припомнилась фраза Говарда Хайнса, придумавшего Безумного Макса. «Движение – жизнь. Вот и вся философия». Да, именно так!

Мигнувшая лампочка аварийного уровня топлива напомнила, однако, что никакое движение не вечно. Того, что кончится бензин, я не боялся – в багажнике про запас лежала десятилитровая канистра. Но то, что я уже сожрал в своих скитаниях больше трети бака, абсолютно не радовало. Я посмотрел на часы. Десять пятнадцать. Час в дороге, а до цели еще как до луны. Дерьмо!

Я достал из пачки сигарету и принялся шарить по карманам в поисках зажигалки, но она куда-то запропастилась. Наконец я нашупал ее в джинсах и уже просунул руку, как вдруг прямо перед машиной выскочила собака, появившись именно с той стороны, где мне не хватало освещения. Я ударил по тормозам, но было уже поздно. Животное столкнулось с бампером и отлетело, жалобно скуля на метр-полтора. Я выругался и, тяжело дыша, откинулся на спинку сиденья. Можно было утешить себя тем, что я сбил всего лишь собаку, а не человека, но от этого было не легче. К тому же мне вспомнилось, что у некоторых таксистов раньше была примета: если задавил собаку, следующим может стать человек. Самые суеверные, говорят, даже бросали работу после такого.

Но, видит Бог, я этого не хотел!

В темноте раздалось тоскливое поскуливание, от которого защемило сердце. Насколько я мог судить, в собаке не было ничего странного, но сегодня я ни в чем не мог быть уверен. К тому же все произошло так быстро. А вдруг я сбил оборотня? И сейчас он заманивает меня, чтобы наброситься и сожрать. Нет уж! Не выйду. Но просто включить передачу и уехать не позволяла совесть. Я сдал назад и немного повернул, чтобы пес попал в зону фар. Собака. Обычная дворняга размером с сеттера. Она лежала подтянув под себя передние лапы, распластав ушиленные задние и глядела в мою сторону затравленным грустным взглядом. Ох, псина, зачем же наши пути пересеклись!? В сердцах я выплюнул так и не зажженную сигарету и, открыв окно, выглянул из машины. Влажный туман, неведомые шорохи, неподвижные размытые тени, морской запах. Я выждал полминуты, прислушиваясь, приглядываясь, и при этом боясь встретиться взглядом с покалеченной псиной. Ничего особенного не происходило. Горько вздохнув, я выбрался из машины и направился к собаке. При моем появлении она попыталась подняться с земли, но задние ноги почти ее не слушались. Вновь послышался жалобный скулеж.

– Пес, ты живой? – как можно более спокойным тоном обратился я к пострадавшему. – Ты меня прости, я не хотел.

Псина больше не пыталась бежать, видимо смирившись со своей участью, и даже скулить стала тише. Это был обычный «двортерьер», ну, может, с небольшой примесью овчарки в каком-нибудь девятом колене. Размер его был даже меньше, чем мне показалось на первый взгляд. Я никогда не питал особой любви к собакам. Я, правда, и ненависти никакой к ним не питал, просто ухаживать за кем-то, выгуливать, заботиться... Ну, просто не для меня это. На старой квартире у меня был аквариум, но и его я подарил соседскому парнишке. У Ольки живет симпатичный кот, Маркиз. Бывая у нее, я с удовольствием играю с ним, но чтобы завести себе зверье... Такой мысли у меня никогда не возникало. Я почти не бываю дома, да и вообще...

Однажды, правда, я почти завел собаку. Я возвращался пешком с одной вечеринки пару лет назад, естественно далеко не трезвый, и за мной увязалась милая маленькая собачка. Километра два она бежала за мной, обгоняла, отставала, и снова догоняла. Я прозвал ее Шпулька и по пьянке разговаривал с ней всю дорогу. Шпулька мне очень понравилась. У нас словно налачился какой-то контакт. Когда я вошел в подъезд и стал подниматься на свой этаж, она осталась стоять у дверей, словно ожидая, что я позову ее. Я не позвал, а она сама дальше не пошла. И в тот миг, мне, конечно, было на это плевать. Пару дней после этого вечера я жалел, что не решился взять ее, ведь такое, чтобы собака сама практически выбрала себе хозяина, бывает очень редко. Потом история забылась и вспомнилась только сейчас, перед другой довольно милой, приходилось признавать, псиной, да еще и пострадавшей, можно сказать, от моей руки.

Я подошел поближе, не зная, что и делать. Пес лежал, опустив голову, и его худые бока поднимались в такт дыханию. Открытых ран нет, дышит равномерно – это все, что я мог сказать. Готовый в любую секунду отдернуть руку, я протянул к псу ладонь. Неожиданно он ткнулся в нее носом, словно прося, чтобы его приласкали. Я присел перед ним и заметил, на шее ошейник. Да и вид у него был, если присмотреться, не совсем бездомный. Судя по всему, его выгнали, или он потерялся, и случилось это совсем недавно. Я осмелел и погладил собаку по голове, все-таки полагая услышать рык, но пес лишь снова заскулил с какой-то щемящей безысходностью.

– Ну и что мне с тобой делать?

Я поглаживал его с минуту, не зная, что предпринять. Потом неожиданно пес поднял голову и, зарывав, устался во тьму куда-то за обочину. Я посмотрел в том направлении и увидел несколько совсем маленьких парных огоньков, светящихся во тьме. Не знаю почему, но мне показалось, что это крысы. В тот же миг у меня созрело решение. Я подхватил пса на руки и понес к машине. Когда я коснулся задней части его туловища, пес завопил во всю глотку и задрожал всем телом. Задние лапы при этом самопроизвольно задергались, и я подумал, что, скорее всего, все кости целы, дело обошлось тяжелым ушибом. Если бы не эти точки во тьме, я бы, скорее всего, оставил собаку там, где она лежала, но теперь...

Когда я оказался у самой машины, где-то очень далеко завывла автомобильная сигнализация, и я вздрогнул. Нет, эта ночь определенно сведет меня с ума.

Пес был уложен на заднее сиденье, я сел за руль. Когда я посмотрел в том направлении, где блестели искорки странных глаз, то ничего там не увидел. Зато крохотные тени скользили в тумане рядом с обочиной. Я завел двигатель и тронулся в путь, но перед тем как я это сделал, еще раз попытался включить мобильный телефон. Разумеется, безрезультатно.

Через пять минут я, наконец, выехал на окружную дорогу. Обычно общегородское ограничение скорости в «60» здесь никогда не соблюдалось и до Кривой Балки, где у Ольги была дача, я долетал минут за десять. Сейчас я осмелился держать сорок пять, и то, лишь после того, как убедился, что дорога пуста. Я шел посередине своей полосы. Туман, словно дым, расступался перед машиной. Влага оседала на стекло, то и дело приходилось делать один-два взмаха «дворниками». Несколько раз у обочины попадались машины с потушенными фарами, в основном грузовики, не дотянувшие до лучших мест.

Один из таких странников, громадный пятиосный «Вольво», поразил меня тем, что имел колеса темно-вишневого цвета. До такого, кажется, не додумались ни киношники, ни владельцы эпатажных автоателье. И в самом деле, почему резина обязательно должна быть черной?

Пес тихо лежал на заднем сидении, лишь иногда подавая голос, когда мне приходилось делать какой-нибудь резкий маневр или на пути попадалась упрямая выбоина. Не смотря на то, что я понятия не имел, что делать с ним дальше, собаке следовало дать имя. Укладывая животное в машину, я заметил, что это кобель. Может быть Роджер?

– Эй, парень, – я глянул назад на распластанное тело, – Роджером будешь?

Пес зарычал, и я уж подумал, что так он отреагировал на придуманное мной имя. Но, увидев в зеркале заднего вида тусклые огоньки догоняющих фар, понял, что мое предложение здесь ни при чем. Я принял вправо и с замиранием сердца стал ожидать продолжения. Огни стали ярче и сместились к встречной полосе. Вот их свет уже начал слепить меня через зеркало. Судя по тому, как быстро машина догоняла меня, ее скорость была раза в два больше моей. Роджер зарычал громче, хотя с его места можно было видеть лишь заливающий салон свет от чужих фар. Почуял что-то... От этой мысли мне стало совсем уж нехорошо. С колотящимся сердцем я проверил свой молоток возле ручника и перочинный нож в кармане. Едва я это сделал, со мной поравнялся «Форд» с синими полосами по борту и выключенной мигалкой на крыше. На милицейскую, или машину ГАИ он не походил, а когда незнакомец пошел на обгон, я увидел на передней двери большую коричневую звезду с золотой каймой и надпись «Шериф» на английском языке. Роджер с заднего сиденья хрипло залаял. Ни на мгновение не замедляя ход, «Форд» по встречной ушел вперед. Когда мои фары полоснули по нему, я увидел, что за рулем никого нет. Холодок побежал у меня по позвоночнику. С трудом шевеля ватными ногами, я убрал ногу с педали газа, давая возможность призраку поскорее раствориться в тумане.

Через минуту загадочной машины простыл и след, но я еще долго приходил в себя от увиденного.

Заключительная часть пути по окружной прошла, в общем-то, спокойно, за одним исключением – перед съездом в дачный поселок я врезался в рой какой-то мелкой мошкары. Ничего особенного, кроме того, что несколько насекомых оказались внутри несмотря на закрытые окна. Парочку я прихлопнул на стекле. Они отдаленно напоминали комаров и были абсолютно реальны.

Дачный поселок встретил меня цветущими деревьями, настороженно нависшими над въездными воротами. Здесь, в низине, туман был вообще ужасающим. Практически вслепую я пополз по заросшей колее. Чем ближе я приближался к цели, тем большее волнение охватывало меня. Оля, Оленька, как ты там!?

Большой черно-красный жук шлепнулся мне на капот, быстро перевернулся и, расправив крылья, улетел прочь. Так, здесь поворот под 90 градусов. Заборы выставляли стрелы ежевики, в тумане они казались когтистыми щупальцами. Густая трава шелестела под днищем.

Ну, еще поворот. Я едва вписался, куст шиповника заскрипел по борту. Мне показалось, машина стала хуже идти. На всякий случай я проверил ручник. Нет, не заклинило. Ерунда, я почти приехал.

Я вспомнил о пассажире на заднем сидении:

– Роджер, ты нормально? – Я оглянулся через плечо. Пес поднял голову в мою сторону, и что-то едва слышно тявкнул, – Хороший мальчик. Продержишься без меня?

Через несколько десятков метров я понял, что с машиной что-то не то. Ее словно кто-то придерживал, не позволяя двигателю выполнять свою работу. Я остановился, взял фонарик, который, впрочем, уже почти не давал света, и, обречено вздохнув, открыл дверь. Роджер молчал, и это показалось мне хорошим знаком. У него явно было хорошее чутье. Я вышел из «Жигулей», напряженный как пружина. Мало ли каких монстров прячет еще этот туман? Ничего, однако, не случилось. Вокруг царил тишина, лишь изредка потрескивала какая-нибудь веточка или падала капля. Один раз подала голос ночная птица.

Я произвел беглый осмотр, которого оказалось вполне достаточно. Прокол левого заднего. Я выругался.

До Олькиной дачи оставалось всего ничего, и я решил, что лучше пройду это расстояние пешком. Усталость последних часов крутилась совсем рядом, но как раз сейчас нельзя было ни в коем случае расслабляться. Для бодрости я усиленно потер щеки. Хотелось как можно быстрее добраться до дачи, узнать, наконец, что произошло. Но, я подумал, что спешить все же не стоит. И, может быть, то, что у меня случился прокол в некотором роде и к лучшему. Незаметно подобраться к даче, разнюхать что и как – похоже, это самый надежный вариант.

Несколько секунд я думал, как поступить с машиной – выключать ли свет и закрывать ли дверь? В итоге решил сделать и то и другое. Роджер не выказал желаний выбраться наружу и я, погладив его напоследок, запер машину и пошел по туманной дорожке.

Как бы мне понравилась еще вчера такая прогулка! Белесое свечение окружало меня, выделяя из ночной мглы черные силуэты нависающих ветвей и переплетения заборов. Было удивительно тихо. Если бы не причины, приведшие меня сюда и все то, что я пережил по дороге, я бы с удовольствием вспомнил

«Ежика в тумане» и то, как блестели радужные ореолы вокруг фонарей на моем первом настоящем свидании, случившемся, когда я учился в десятом классе.

Но сейчас было не время вспоминать все это. Здесь, в низине, где туман был воистину непроглядным, мне начало казаться, что я попал в некую таинственную страну, страну вообще не из этого пространства и времени. Парень, пытавшийся меня догнать около «Светлячка», кричал что-то про иную реальность. Сейчас я тоже стал ощущать нечто подобное. Вначале это чувство было едва уловимо, но с каждым метром усиливалось. Мне показалось, стены заборов чуть отступили от дорожки, а сама дорожка приняла совсем заброшенный вид. Колея едва угадывалась среди высокой росистой травы, стебли которой с шуршанием касались моих джинсов. Где-то далеко я услышал кваканье лягушек. Помимо моря приторно пахло какими-то цветами. А еще мне показалось, что стало теплее.

Фонарик умер окончательно и пробирался в тумане я практически на ощупь. Сердце мое беспокойно стучало в груди. Я не знал, что встречу впереди, и воображение мое рисовало по этому поводу страшные картины. Паутинка, коснувшаяся моего лица, заставила меня подпрыгнуть от неожиданности и замахать перед собой руками – это было бы забавно, если бы не было так страшно. Чуть дальше мне показалось, что справа, там, где раньше была заросшая проволочная ограда, сейчас появился каменный забор, увитый плющом. Напротив него я увидел небольшую поляну цветущих вьюнков. Встретить их в это время года и в этот час было очень странно. Впрочем, я не ботаник.

Так, эти красные ворота – это дача их соседей. Ольгина – следующая. Дальше я стал продвигаться с осторожностью, стараясь не шуметь. Вот, этот забор – уже ее. Я с удивлением уставился на шишечки декоративного хмеля, которого раньше и в помине там не было. Дальше я различил в тумане смутный проем калитки. Она показалась мне необычно широкой и высокой и была распахнута настежь. Я постоял несколько секунд, прислушиваясь, но кроме тихого неясного фыркканья где-то за забором ничего не услышал.

Я прошел дальше, туда, где должны были находиться ворота. Ольгины родители продали машину пару лет назад, и теперь ворота практически не использовались. Ну, разве что иногда привезут какие-нибудь стройматериалы. Или я заеду. Как бы то ни было, ворота были. Вот только я их не мог найти. С максимально возможной бесшумностью я прошел дальше, держась рядом с оградой.

Как в сказке:

«Ворот не видали?»

«Таких зеленых, немного поржавевших внизу, сваренных из отдельных железных листов?»

«Да!»

«Нет, не видали...»

Действительно, бред. И бред вдвойне, потому что я прошел уже метров пятьдесят дальше, туда, где должен начинаться уже другой участок, а то и третий, а ворот больше не было. Никаких. Калиток тоже не было. Только густо заплетенный разными вьющимися растениями забор. Ничего не понимая, я вернулся к той открытой калитке и заглянул в нее. Туман, конечно, не позволял толком ничего увидеть, однако над калиткой с той стороны я заметил что-то. Приблизившись, я понял, что это погашенная керосиновая лампа, повешенная на огромный кованный крючок. Этот предмет тоже не был мне знаком. Да и крючка такого там раньше нигде и в помине не было.

У меня создалось впечатление, что я ошибся адресом. Для страховки я вернулся назад. Так, все правильно, красные ворота соседей, фигурные шипы наверху. Во тьме, правда, нельзя было сказать определенно, именно красные они, или какие-нибудь, например, коричневые. Тогда я разыскал зажигалку, и, прикрывая пламя свободной рукой, осветил себе. В натуре, что называется, красные. Спрятав зажигалку, я вернулся к заветной калитке.

Что же это, черт возьми, происходит! Мир сдвинулся, как говаривал Стрелок? Или, может, сдвинулся я? Или где-то на небесах произошел какой-то сбой, и туман принялся наносить на полотно повседневного существования посторонние, инородные мазки. Или же он открыл некую таинственную дверь в неведомое запределье...

Туман, туман... Все из-за него. Я чувствовал это, но белесая пелена оставалась за гранью понимания обычного человеческого разума. Ох, откуда она вообще взялась на наши головы!? Разумеется на такие вопросы никогда не найти ответа.

Я шагнул за калитку. Туман отступил немного передо мной, и я увидел, что грядки (если, конечно, это были грядки) слишком густые для апреля. Это были просто заросли какие-то. Расположение посадок оказалось для меня абсолютно новым, и потому идея сделать крюк и подобраться к домику сбоку была отброшена. Я пошел по узкой садовой дорожке, нервно озираясь по сторонам и стараясь производить как можно меньше шума. В правой руке у меня был зажат молоток.

Метра через три практически одновременно я услышал два звука. Один являлся мужским смехом и доносился он из дачного домика. Второй звук я бы охарактеризовал как фыркканье, и источник его был где-то совсем рядом. Я замер, пытаюсь справиться с колотящимся сердцем. Этот второй звук... Не то, чтобы он был угрожающим, но...

Вот! Еще. Это было похоже на дыхание какого-то большого существа, находящегося где-то слева. Мне захотелось убежать, но я сделал осторожный шаг, пристально всматриваясь в туман. Потом второй. Темный силуэт стоял за беседкой. Секунду, сраженный ужасом при виде его размеров, я не мог пошевелить и пальцем. Потом существо грациозно переступило с ноги на ногу, и я понял, что это лошадь. Черная лошадь. Потрясающе! У Ольги на участке лошадь!

Немного уняв свой страх, я подошел ближе. Животное стояло привязанное к перилам беседки. У его ног стояло ведро с водой. Лошадь (ну, или конь, не знаю) была оседлана, но стремян я не увидел. При моем появлении она повернула ко мне морду и негромко заржала. Я метнулся прочь через какие-то кусты, понимая, что у оседланной лошади должен быть хозяин и догадываясь, что именно его смех я только что слышал.

Я спрятался за большой вязанкой дров, сложенной прямо у дома. Еще одна деталь явно не из этого мира. У Ольги на даче была печка, но дрова хранились под полом и совсем не в таком количестве. Да и сам домик, похоже, был чуть другим. Ровно отштукатуренный и побеленный, в отличие от этого, чьи стены были просто замазаны глиной. Во всем остальном, правда, включая планировку, схожесть сохранялась. Дверь была с противоположной стороны от меня, окно комнаты – слева. Я слышал в доме какие-то шорохи и приглушенные голоса, но идентифицировать их мне не удавалось. Я подождал еще немного, но хозяин никак не прореагировал на ржание своего коня. Вместо этого я услышал еще один приступ смеха. Женский. Все всколыхнулось во мне, потому, что я узнал, кому он принадлежит. Оля. Без сомнений.

Я покинул укрытие и перебрался к окну. Внутри было не очень светло, и я понял, почему не увидел никакого света с тропинки. В комнате горела лишь одна керосиновая лампа. Никакого электричества. Да им и не нужно было яркого света.

Двое сидели за небольшим столиком, сколоченным из грубо отесанных досок. Мужчина был ярко выраженным кучерявым брюнетом (так же, как его лошадь) с ростом значительно выше среднего. Одет он был в белую рубашку с большими старомодными манжетами, расстегнутую на груди и темные широкие штаны. Одного взгляда на мускулистую грудь, широкие плечи и большие руки хватало, чтобы понять, что с таким не справиться даже очень большим молотком. Рядом с ним, одетая в растрепанное платье с большим декольте и кучей оборок, сидела Оля. Я почувствовал укол ревности, даже не укол, а какой-то ошеломляющий пинок. Несколько секунд я чувствовал себя рыбой, вытасченной на берег, но все-таки взял себя в руки. Это не тот вечер, чтобы поддаваться эмоциям. Я снова прильнул к стеклу. От моего дыхания оно запотело, и я перебрался повыше. Это было рискованно, но мне ничего не оставалось. Я должен был понять, что здесь происходит.

Эти двое уже покончили с трапезой. На столе я разглядел пустые тарелки, или, скорее, миски. Там же стояло какое-то недоеденное блюдо. Графин с рубиновой жидкостью, стоящий в центре стола, был опустошен наполовину. Тут же находились пустые бокалы, из чего я заключил, что это вино. Повсюду валялись кости и разные огрызки овощей. В лучах керосиновой лампы блестело мокрое пятно, наверное, от разлитого вина.

Нет, что-то здесь не так! Вид разгромленного стола почему-то поверг меня в большое сомнение, и я стал более внимательно приглядываться к девушке. По лицу – вылитая Ольга, но волосы длиннее и светлее, фигурка, как мне показалось, стройнее, манера держаться совершенно иная. И, вообще, весь окружающий антураж с элементами средневековья навевал на мысль, что это не тот человек, что звонил мне с мобильного.

Но даже если это *моя* Ольга, я зря спешил к ней через этот сумасшедший туман. Ничего не угрожает ее жизни и здоровью. Все, что она делает, она делает по своей воле. И, кстати, *эта* Оля была вполне счастлива.

Мужчина в доме поднялся со своего стула, окончательно убедив меня в своих исполинских габаритах, и подошел к девушке. Та тоже поднялась и обвила его шею руками, буквально повиснув на нем. Они поцеловались. Вначале нежно, потом еще и еще, с нарастающей страстью. Ее руки принялись срывать с него рубашку. Потом на пол упало платье...

Я напрягся, мои кулаки самопроизвольно сжались, и я отодвинулся от окна. По сути, это ничего не меняло. Даже, если это и моя Оля, в чем я сильно сомневался, что с того? Эта девочка вполне осознает, что делает. Защита от всякой нечисти?... Ха, что ей может угрожать с таким амбалом!? Ревность!? Да пошло оно все!

Чувствуя полное опустошение, я побрел прочь. Чертов туман! Что сотворил ты с моим миром? Ради чего я преодолел весь этот путь? Ради чего!? Молочный кисель молчаливо плескался вокруг, не нарушаемый ни единым огоньком. Я прошел мимо лошади, сонно переминающейся с ноги на ногу. Потом, находясь во власти странного ощущения нереальности окружающего, подошел к ней и прикоснулся к теплому и влажному боку, уже не думая о том, что животное может заржать. Реально. Все реально. Получается, что я где-то в параллельном измерении, запутавшийся в тумане, как рыба в сетях. И странные существа, попадавшие мне по дороге, равно как и странности вообще – они родом отсюда, не

из какого-то абстрактного ада, а просто из альтернативной вселенной (или вселенных). Это кстати объясняло, почему на меня в конечном итоге никто не напал. Страх я натерпелся, безусловно, предостаточно, но ведь, действительно, ничто и никто реально не угрожал мне. Впрочем, бдительности терять не стоило.

Я покинул – теперь уже язык не поворачивался назвать это «дачей» – скажем, усадьбу, и пошел по направлению к своей машине. Теперь, когда адреналин отхлынул, я почувствовал смертельную усталость. Мне захотелось спать. К тому же меня кое-кто ждал. После всего пережитого, я почувствовал большую симпатию к такой же жертве обстоятельств и трагических случайностей, как и я. Он тоже был из моего мира, теперь я понял это окончательно.

Интересно, а что будет завтра? Все вернется на круги своя или мой удел завязнуть здесь, в этом чужом измерении, напичканном безумными вещами. Мелькнула мысль, что, проехав по тому же маршруту в обратном направлении, можно вернуться домой, но я отогнал ее. Я был слишком измотан, чтобы в впотьмах менять колесо, заправлять бак и еще часа два ползти в тумане. Да и получится ли? Судьба, это ведь такая штука... Я что, не смотрел фантастических фильмов?

Где-то во тьме заухала сова... или не сова. Какое-то насекомое, басовито жужжа, пролетело мимо. Чужой мир жил своей жизнью...

Без всяческих инцидентов я дошел до машины. Роджер, не поднимаясь, встретил меня однократным «Гав!».

– Ничего, приятель, все будет хорошо, – сказал я ему, хотя, если честно, не очень верил в это.

Погладив собаку, я вышел из машины, достал сигарету и прикурил. Мне было откровенно хреново. Время, когда я лениво лежал на диване, теперь казалось невообразимо далеким. Туман выжал меня почти досуха, пропустил как через мясорубку, а в довершение всего еще и добил шокирующим зрелищем. И пусть не настоящую Ольгу я видел там, в домике, а ее двойника, на душе от этого лучше не становилось. Эх, мне бы сейчас бахнуть чего покрепче... Я вспомнил про печенью, засунутую в карман. Если бы я знал во что вляпаюсь, взял бы нормальной еды, а так... Пачка почти раскрошилась. Я достал кусочек печенью, запихнул в рот, еще одним поделился с Роджером. Тот с энтузиазмом проглотил предложенное. Я повторил. Вместе мы прикончили остатки печенью, и я смахнул крошки на пол. Потом я достал из багажника бутылку дистилата. Сделал глоток сам (ужасная безвкусная гадость, хорошо хоть сам делал его, иначе не рискнул бы брать в рот) и прямо с ладони попоил Роджера. Немного досталось и чехлам, но что делать? Походные условия.

После всего этого я забрался в машину, закрылся изнутри и, откинув спинку кресла, закрыл глаза.

Сон сморил меня почти сразу, несмотря на неудобную позу.

Мне приснился сказочный остров. Вернее, вообще-то, в нем не было ничего сказочного, просто там было очень хорошо. Лето. Ласковое солнышко. Маленькие домишки, утопающие в пышной зелени садов. Причал с маленькими лодками. Развешенные сушиться сети.

Мне снилось, что я сижу у старой школы в тени легкомысленно шелестящей акации. На дворе каникулы и мне четырнадцать лет. Рядом на траве лежит мой велосипед, а я ем вкусное и быстро тающее мороженное. По аллейке приближается симпатичная девчонка в розовом платьице, ведущая на поводке забавного пуделя. Я узнаю ее. Это Полинка из моего класса. Полинка-Пылинка, как мы ее называем из-за маленького роста. Она подходит ближе, здоровается и садится рядом. Как-то незаметно сон переносит нас на прибрежный холм. Я угощаю Полинку мороженым, и мы вместе смотрим, как в бухту заходит красивая яхта. Ее собака, отпущенная с поводка, бегаёт рядом. Легкий бриз шевелит наши волосы. И так здорово, и так легко здесь...

Весело болтая, мы бредем по аллее. Мой велик и ее собака исчезли. На дворе вечер. Мы подходим к канализационному люку и вдруг оттуда, прямо из-под крышки, начинает валить белесый дым, а может быть, и туман. Его становится все больше. Дымка уже грозит закрыть солнце. Мы начинаем убегать...

И тут я проснулся.

За запотевшими окнами царил мрак. Часы показывали десять минут третьего. Очень хотелось по нужде. Полусонный, я вышел из машины. Туман все также висел вокруг, но мне показалось, что он стал менее плотным. Я пребывал еще в теплом и добром расположении духа, которое навевал на меня сон. Даже, то, что случилось в конце, не могло омрачить это состояние. Интересно, почему мне привиделось именно это? Место, где никогда не бывал, девчонка, которую видел последний раз на школьном выпускном почти десять лет назад, собака, яхта...

Закончив свои дела, я задумчиво стоял, вновь прокручивая в памяти сон. И в этот миг на меня напали.

Я услышал мягкий звук удара по крыше машины, и в следующую секунду влажное холодное нечто прыгнуло мне сзади на шею, обжигая неприкрытую кожу. Запах болота ударил мне в нос. Инстинктивно я резко нагнулся вперед, пытаюсь добраться до атаковавшего меня существа и почувствовал, как то ли когти, то ли зубы царапают мне кожу под ухом. Боль пронзила скулу, горячей волной побежала к подбородку. Наконец, я ухватил тварь. Прикосновение напомнило мне стирку джинсов, вернее тот

момент, когда при полоскании ты влезашь в холодную мокрую холодную штанину, чтобы ее вывернуть. Мягкое слизистое тело оказалось у меня в руке, извивающееся и омерзительно причмокивающее. Насколько я мог разглядеть в темноте, тварь была похожа на раздутую лягушку, только с когтями, зубами и перепонками между конечностями, как у белок-летяг. Я с силой швырнул существо в ближайший забор надеясь насадить его на колючки, но оно, изловчившись, перевернулось в полете, и с громким шлепком приземлилось где-то в зарослях, недовольно повизгивая. Я кинулся в машину, жалея, что не прикончил напавшего ножом или молотком. Достал аптечку и обработал шею перекисью, а потом йодом. В принципе мне еще повезло. Если бы не задравшийся во сне воротник куртки, дивная лягушка попала бы мне точно на загривок.

Я извлек из-под сиденья тряпку и протер все стекла, до которых мог дотянуться. Спать уже не хотелось. Я включил приемник и стал шариться по диапазонам. FM-шкала была полностью пуста. На средних волнах жизнь присутствовала. Среди помех я нашел симфонический оркестр, трансляцию спортивного матча на каком-то азиатском языке, еще пару станций, передающих старую музыку. Несколько минут я слушал джаз, потом звук «поплыл» и вскоре исчез.

Я сунул в щель кассету «Ва-банка» и вскоре гагара с черным пером унесла меня в царство сна. На одноименной песне. Последней моей мыслью было желание опять оказаться на том зеленом острове с Полинкой-пылинкой.

Проснувшись утром, я обнаружил, что туман ушел. Не полностью, правда. Осталась легкая невесомая дымка, через которую пробивалось встающее солнце. Рождер еще спал. По тому, что он сделал попытку свернуться калачиком, я заключил, что ему уже лучше. Я тщательно осмотрел окрестности вначале через маленькую дырочку в запотевшем стекле, потом от души поработав тряпкой. Ничего странного или страшного я не увидел. Заросшие заборы по обе стороны, две проторенные колеи между ними. Кое-где цветущие деревья. Обычный дачный городок.

Я вышел из машины. Весело заливались птицы. Запах моря тоже ушел вместе с туманом. Было холодно, значительно холоднее, чем вчера. Я застегнул куртку, почувствовав под воротником боль от вчерашних царапин. Обошел машину. Заднее левое было сдуто до обода. Предстоит работка. Но, прежде чем менять колесо, следовало кое-что проверить. Я зашагал, ускоряя темп, к Ольгиной даче, потом побежал. На полдороги я вспомнил, что даже не закрыл машину, но не стал возвращаться.

Калитка была совершенно обычных размеров, ворота тоже были рядом, словно никуда и не исчезали. И то, и другое надежно охраняли висячие замки. Я заглянул внутрь. Фонарь исчез вместе с крючком. Домик стоял такой, как я его помнил – побеленный и без дровяного склада под стеной. Беседку мне отсюда видно не было, зато все ближайшие грядки занимала картошка, напроочь отсутствовавшая вчера. Я покрутился у калитки еще немного, подергал замки и отправился обратно.

Значит, все исчезло. Я, конечно, мог убедить себя, что мне привиделась вчера и эта пара в доме, и конь, привязанный к беседке, и карета, но царапины на шее и разбитые фары были яркими доказательствами того, что мне это вовсе не снилось. Получается, я действительно попал вчера в другой мир, а сейчас вернулся домой. Но раз я вернулся, почему здесь никого нет? Где Ольга? Она же звонила мне с дачи! Не отправилась же она отсюда пешком по туману! А, может, звонок был не с дачи? Или случилось именно то, чего я как раз и опасался? Или... это еще одна реальность, отличная и от моей, и от вчерашней...

Так... Я почувствовал, что от этих размышлений у меня начинает ехать крыша. Нет, пока, заключил я, лучше не думать ни о чем, просто радоваться тому, что туман ушел, что встает солнце, и что я жив. Да, я жив! Волна какого-то бредового эгоизма захватила меня. Мне не хотелось думать об Ольге, ради которой я и совершил накануне этот сумасшедший перегон. Чуда с телефоном поутру не произошло, так что все равно в ближайшие полчаса я беспомощен что-либо предпринять. Все ли хорошо с ней, или что-то случилось – как бы то ни было, довольно спешки. Я понимал, что так думать и вести себя не совсем правильно, но маленькие ручки, иступленно срывающие с великана рубашку, и жадно открытые для поцелуя губы не выходили у меня с головы. И пусть это была не Ольга, я все равно ничего не мог с собой поделать.

Около машины меня ждало открытие. Выбравшийся из незапертой дверцы на землю Роджер на подгибающихся дрожащих лапах делал свои собачьи дела.

– У, какой молодец, – закончив, пес повернулся на голос и сделал пару шагов в моем направлении. Его зад заносило, хвост нервно подергивался, но в глазах уже не было вчерашней безысходности и тоски. – Будем жить, да?

Я подошел, погладил его, в ответ он лизнул мне ладонь.

– Да, малыш, нам бы поесть, правильно? Но для этого нужно починиться, понимаешь?

Я предоставил собаке самой решать, куда деваться, пока я буду менять колесо. Убегать Роджер, как я понял, не собирался. Тяжело вздохнув при взгляде на покалеченный передок «Жигулей», я

отправился за запаской. Вынырнув вскоре из багажника с домкратом, я увидел, что моя псина уже лежит на траве в двух шагах от машины. Неожиданно я улыбнулся.

Пока я менял колесо, мне вспомнилась Поинка-пыинка. Интересно, чем руководствуется разум, подбрасывая нам во сне то, что глубоко зарыто под слоем старых воспоминаний? Ничем не примечательная девчонка из забытого прошлого. Пару недель я увлекался ею в конце одиннадцатого класса, и даже на последнем звонке мы танцевали в паре. Но вовсе не ей я подарил сердце в том добром и мягком тумане, вовсе не о ней думал я по ночам на армейской кровати, и уж, конечно, не ради нее я совершил свое вчерашнее «ралли». А вот, поди ж, приснилась именно она. Может потому, что у нее тоже была собака? О! Вспомнил! У нее была собака, которую тоже сбила машина! Когда ж... Да классе в девятом, наверное. Она за ней долго ухаживала, но я не помнил, выходила ли она ее. Ха, хранится ж такое в темных колодцах сознания! Всплывает же! Интересно, что стало с этой Полиной? В нижнем ящике книжного стола до сих пор хранится старая, еще школьная, записная книжка. Интересно, каковы шансы позвонить и услышать ее голос? Один на тысячу, наверное. Или на миллион.

Впрочем, я не собирался проверять это. Есть страницы жизни, к которым уже никогда не вернуться. Я так думал.

Разгоралось прекрасное весеннее утро. Встающее солнце окончательно прогнало остатки тумана и теперь играло в каждой капельке росы, на каждом молодом листочке. Птицы заливались уже вовсю. Весь мир был окрашен в светлые тона. Если вспомнить, что сегодня суббота, то утро вообще должно быть изумительным. Только вот проблемы, так и оставшиеся нерешенными со вчерашнего дня, стояли комом в горле.

Покончив с колесом, я вылил в бак содержимое НЗ-шной канистры и свистнул Роджеру. Тот – я даже не ожидал – поднялся со своего места и заковылял ко мне. Я аккуратно подсадил собаку на заднее сиденье, протер лобовое стекло и сел за руль.

Едва остывший за ночь движок прочихался, я включил радио. Странно, но я не помнил, как выключал его ночью. Я заснул под «Ва-банк», а когда проснулся, магнитола молчала. Пожелав, чтобы это была последняя странность в моей жизни, я вновь настроился на FM. Первая же накрученная радиостанция освещала вчерашние события.

– ...были поражены необычайной плотности туманом. Его особенностью было крайне негативное влияние на прием теле- и радиопередач, а также на мобильную связь. Такого, как говорится, не помнят даже старожилы. К счастью, апогей явления пришелся на десять – одиннадцать часов вечера, когда интенсивность дорожного движения была уже невелика. Тем не менее, количество дорожно-транспортных происшествий измеряется десятками. Многие люди попали в больницу. Кроме того, как нам сообщили, в милицию поступило немало заявлений об исчезновении людей, но от себя, я предположу, что это, скорее всего те, кто просто не смог из-за плохой видимости добраться домой. Более подробно вы сможете услышать об этом в нашем «Криминальном разделе» через час с небольшим. А теперь на нашем канале – музыка!

Значит, просто сильный туман, да? Я покрутил ручку настройки (Давно пора купить цифровую магнитола!). Еще на одном канале ди-джей принимал телефонный звонок. Девушка, страшно волнуясь, рассказывала, про то, как к ней на балкон пятого этажа из тумана шагнула прозрачная фигура в плаще с капюшоном. Я сделал погромче, внимательно ловя каждое слово. Я прекрасно понимал, что чувствовала радиослушательница. В отличие от ведущего.

– Значит, вы утверждаете, что призрак шагнул к вам прямо сквозь перила, – в его голосе было столько издевки и ехидства, что этому ди-джею захотелось как следует начистить морду.

– Вы не верите мне, да?

– Ну, иногда, хорошенечко отмечая какой-нибудь праздник, мною тоже порой наблюдаются неординарные вещи.

– Вот, сука! – вырвалось у меня, – Ты, значит, ничего вчера не видел!?

В эфире послышались короткие гудки – не выдержав, девушка повесила трубку.

– Да, вчера был сильный туман, но чтобы придумать такое... В общем, что ж, гудки поставили точку в этой истории. Мы ждем следующего дозвонившегося к нам в программу «С добрым утром!». Оставайтесь с нами. А спуют нам для повышения настроения в это прекрасное утро «Отпетые мошенники».

Я перетерпел глупую, но задорную песню. Следующий звонок был от немолодой женщины. Поприветствовав слушательницу, ди-джей первым делом спросил, не случилось ли с ней вчера чего-нибудь странного. Дама ответила отрицательно.

– Знаете, я в полдесятого выгуливала нашу собачку, и со мной не случилось ничего странного. Даже наоборот, было так хорошо, тепло как в мае.

Ненавижу я эти звонки на радио, но на этот раз, очень хотелось узнать, что говорят люди о вчерашнем. После глупой дамы звонил какой-то школьник, чьи проблемы сводились к конфликту с географичкой и историком. Ди-джей уже не стал спрашивать его о вчерашнем, а пацан ничего не сказал.

Получается, совсем не многие сталкивались вчера с чем-то необычным. Через несколько минут я получил этому подтверждение. Я вырулил на тихую пригородную улочку. Появились первые пешеходы. Навстречу проехала, громыхая пустым прицепом, грязная «Нива». Часы показывали семь пятьдесят. Я увидел вывеску гастронома и тормознул перед ним. Открывается в восемь. Ничего, подожду. Машинально глянул вокруг, выискивая поблизости телефон. Такого здесь не оказалось. Погладив Роджера и сунув в рот сигарету, я вышел из машины. Под гастрономом стояли три старушки, что-то оживленно обсуждая. Уже давно миновали времена, когда под магазинами спозаранку занималась очередь, но в старых людях этот пережиток остался, видно, навсегда. Я подкурил и прислушался к разговору, который занимал их так, что они едва глянули в мою сторону.

– Трофимовна, ты меня уж звиняй, но ты уже совсем поехала...

– Богом клянусь, видела. Подошел ко мне дед мой, царство ему небесное, из тумана, когда я курей покормить вышла и рукой мне машет. Пошли мол, Катерина. А за спиной у него свет такой и луг цветущий.

– Да, соседка, приснилось, небось.

– Не приснилось, не приснилось, вот те крест. Видно зажила на этом свете. Зовет он меня.

Стоявшая напротив говорящей старушка укоризненно покачала головой.

– Да, привиделось тебе, Трофимовна, вон какой туманище вчера навис, даже телевизор не ловил ничего, – сказала вторая бабка и повторила. – Вот и привиделось.

– Да ну вас, не хочу с вами разговаривать. Потом приду.

Обидевшись, она зашаркала прочь по улице. За ее спиной бабки зашептали о том, что Трофимовна совсем свихнулась. Я печально посмотрел вслед еще одному человеку, заглянувшему в чужой мир.

К моменту открытия магазина я как раз докурил сигарету. Подошли еще два мужичка. По лицам легко было определить, что они с хорошего бодуна. Не смотря на неопрятный вид, они, однако, казались намного симпатичнее парочки из «Светлячка».

Я купил черствую булку, триста грамм вареной колбасы, а так же пол-литра кефира и позавтракал с Роджером прямо в машине. Потом, сворачивая с окружной по направлению к центру, увидел вывеску ветеринарной клиники и свернул туда. Через пятнадцать минут, удостоверившись, что с псом все нормально и выслушав в ответ на мою историю комплименты по поводу моей человечности по отношению к животным, я набирал номер Ольги из приемной ветеринарки.

Третий гудок сменился знакомым «Алло». Ее голос. Напускное безразличие и досада, болтавшиеся с ночи на дне моей души, разом схлынули, и я обессиленный рухнул на стоящий поблизости стул. Ко мне обратился обеспокоенный взор дородной докторши, но я дал понять взглядом, что все о'кей. Несколько секунд мы говорили одновременно, потом одновременно смолкли.

– Милая, я ездил к тебе на дачу. Куда ты пропала?

– Это ты куда пропал? Ты в порядке, Игорь? Откуда звонишь? – По женской привычке вопросов была масса, – Я так волновалась.

– Скажи, откуда ты звонила мне вчера?

– Я была на полпути домой. Один сосед по даче меня подвез.

– А твой родственник?

– Он придет на следующей неделе.

– Но ты хотела, чтобы я приехал к тебе, – я ничего не понимал.

– *Домой*, милый. Я хотела, чтобы ты приехал ко мне домой. Мне было так неуютно в этом тумане, хотелось побыть с тобой. Родители были не против. Ты что, разве могла я погнать тебя куда-то к черту на кулички в такой вечер! Нет, я звала тебя к себе! Две остановки или десять минут пешком. Ты бы знал, как я кляла себя, когда ты не появился, а твой телефон не отвечал. Я думала, что с тобой что-то случилось. Я даже в милицию звонила...

Я, оказывается, тоже числился пропавшим без вести. В этом плане ди-джей с радио оказался прав.

– Вот, что, Оленька. Если ты заявила о моей пропаже, позвони еще раз, дай отбой. У ментов и так забот хватает. А со мной все в порядке. Через полчаса я буду дома.

– Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю. Извини, я позвоню тебе.

– Пока, любимый.

– Пока.

Я попрощался с ветеринаром, взял на руки Роджера и вышел в залитое апрельским солнцем утро.

Такими словами я закончил свой первый рассказ, написанный более трех лет назад, через два года после изложенных в нем событий. Он абсолютно правдив, но об этом знают лишь очень немногие люди. Для остальных это – фантастика, или, если угодно, ужастик, хотя у меня в рассказе, несмотря на

присутствие страха, никто не умирает. С тех пор я написал еще несколько рассказов, но они совсем другие. В отличие от этого, первого, остальные придуманы.

Что произошло потом? Некоторое время люди вспоминали пятничный кошмар, потом постепенно все забылось. Кое-где проскальзывали слухи о призраках из тумана, но никем это всерьез не принималось. Многие пропавшие нашлись на следующий день, но есть и те, кто продолжает числиться пропавшими без вести до сих пор, о двух таких людях вспоминали недавно по местному телевидению. Думая об этом, мне, если честно, становится нехорошо. У меня тоже была куча шансов оказаться в черном списке. Даже потом, после того, как все закончилось – дело в том, что раны на шее воспалились и еще долго не хотели заживать. Тем не менее, со временем я забыл об этом так же, как все остальные.

В общем, с тех пор прошло уже пять лет. Мы все-таки расстались с Ольгой. К осени наши отношения уже напоминали корабль, разваливающийся по кускам. Мы бы могли еще немного протянуть в своем плавании, но никто из нас не хотел вычерпывать поступающую через пробоины воду. Да это было и не нужно. Мы разошлись, и вскоре она нашла себе другого. Вышла за него замуж и уехала из города. Я видел ее мужа. Он большой, как горилла и у него черные кучерявые волосы.

Роджер выздоровел и живет у меня. Очень смысленный парень. Обождает ездить на машине. Не знаю, почему я раньше не любил собак. Может, просто ждал встречи именно с ним?

Случилось, правда, еще кое-что, связанное с той ночью, что изменило мою жизнь. Незадолго до нашей последней с Ольгой ссоры, убирая в столе, я нашел ту самую записную книжку, о которой вспоминал, когда менял колесо. Я взял ее в руки, нашел страницу, где еще школьным почерком был записан телефон Полинки-пылинки, минут пять смотрел на него (прекрасно помню, что по радио в тот миг звучал «Dire Straits», я словно утонул ненадолго в приятной мелодии), а потом взял и позвонил. Мне выпал тот самый шанс, о котором я тогда думал – один на тысячу, а то и круче. Трубку взяла именно она. Мы говорили сорок пять минут. Со мной никогда такого не было. Не знаю, может, это была судьба, но я попался ей именно в тот момент, когда разрушился весь ее мир, а мой вот-вот готов был рухнуть. Нам обоим была необходима поддержка. И мы говорили, говорили. Я узнал, что сразу после школы, она укатила в столицу поступать в престижный гуманитарный ВУЗ на факультет журналистики. Поступила. Познакомилась с женщиной значительно старше ее, вышла за него замуж. Некоторое время они жили счастливо, он помог ей устроиться в редакцию модного женского журнала, а потом ее жизнь полетела в тартарары. Обнаружилось, что она не может иметь детей. Для ее мужа это было большой проблемой, решением которой через два года мучений оказался развод. Бросив все, она вернулась к маме. Это случилось за две недели до моего звонка.

Стоит ли говорить, что случилось потом? Мы стали видеться. Полина устроилась в местную газету, хотя, конечно, это было совсем не то, к чему она привыкла. Тем не менее, она не унывала. Я, как мог, помогал ей морально, и вскоре ее оптимизм и вера к жизни вернулись. Она стала писать статьи для разных издательств, активно используя компьютер и интернет. Постепенно в эти дела был вовлечен и я. Полинка помнила, что в школе я писал самые лучшие сочинения (если забыть про грамматические ошибки) и она убедила меня попробовать. Я освоил компьютер, некоторые другие вещи, и начал писать. Следующим шагом было поступление в тот же ВУЗ, что закончила Полинка, на тот же факультет, только заочно. Так что, как это ни смешно, теперь я студент. За мой рассказ «Тени на обочине» на зачете я получил четыре балла. Преподаватель сказал, что мне не хватает сочности, и раз я выбрал темой фантастику, надо было действовать в отношении фантастических деталей «поактивнее». А еще он упомянул о том, что если в первом акте спектакля на стене висит ружье, то во втором оно должно выстрелить. Это он про мой молоток, с которым я носился как дурак и так и не нашел ему применения. Я сказал, «Да, конечно, понимаю», а сам возблагодарил судьбу, что ни ножик, ни молоток тогда мне так и не понадобились.

Сейчас мы с Полиной живем вместе. У нас все хорошо. Мы счастливы. И Роджер ей нравится даже больше, чем мне.

Так почему же я решил сегодня в конце своего рассказа написать обо всем этом? Все дело в том, что сегодня утром, прекрасным майским утром, я вышел на балкон и опять почувствовал запах моря.

Сейчас четыре часа дня и, судя по некоторым деталям, к вечеру нас снова посетит Туман. Солнце на небе уже спряталось в невесомой белесой дымке. Кстати, на календаре снова пятница.

Вот что я думаю по этому поводу. Моя машина в полной готовности. Полинка придет с работы через полчаса. Так как я рассказал ей все о том случае, и она не сочла меня сумасшедшим, думаю, вопросов не будет. Мы уедем куда-нибудь подальше и переждем денек-другой. Я, кстати, давно обещал ей уик-энд за городом.

Вряд ли кому-нибудь из наших родных и друзей грозит опасность. Я провел небольшую следственную работу и выяснил, что в прошлый туман никто из них не видел ничего сверхъестественного. Проверять, способна ли Полина видеть такие вещи, у меня нет никакого желания.

Хватит у нас в семье одного психа, заглянувшего в другой мир.

2. КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА

Когда я добрался до автобусной остановки, меня накрыло окончательно. Нет, не так. Придется все с начала...

Мне всегда не везло с девушками. Не знаю почему. Одни слишком много требовали от меня, другие пытались переделать, для третьих я был просто не тем человеком. Познакомившись с Анжелой, я решил, что это, если не навсегда, то, по крайней мере, надолго. Она понравилась мне с первой же минуты, когда я увидел ее на дне рождения моего друга примерно пять месяцев назад. Это была девушка именно того типа, что мне нравится: стройная, высокая, с длинными вьющимися волосами и довольно-таки крупной грудью. Нас представили и, едва я взглянул в ее голубые глаза, в моем сердце что-то замкнуло. Потом, как это водится, были свидания, и признание в любви на новогоднем вечере через пять минут после боя курантов.

Анжела училась на курс младше меня, на экологии. Вообще-то ее специальность носит более длинное название, но никто не утруждает себя точностью. Мою специальность «вычислительные машины и локальные сети» тоже принято сокращать до «машин». В общем, мы начали встречаться, и все поначалу было хорошо. Лишь одно не очень радовало меня – ее безумное увлечение танцами. Анжела за свою жизнь, похоже, перепробовала в этом плане все, что только можно, начиная с бальных и народных танцев и заканчивая спортивным рок-н-роллом, которым она занималась в последнее время. Ее движения под музыку и вправду были великолепны. Сочетание превосходной пластики и отличной фигуры делало ее заметной на любой дискотеке и любой вечеринке. Месяца два мы каждую неделю, а то и чаще, посещали всякие клубы, потом мне это постепенно надоело. С одной стороны я, хоть и подрабатывал на компьютерной фирме, занимаясь техобслуживанием (то есть беготней по заказчикам, которые не в силах сами установить «Офис» или инсталнуть принтер), но мой карман вовсе не был бездонным. Нет, я не мог сказать, что Анжелка раскручивала меня, но... Что ты за парень, если не можешь купить своей девушке сок или бокал вина, так ведь!? В один прекрасный день я понял, что тщательно подготавливаемый апгрейт компа откладывается на неопределенный срок, и первый раз задумался о своем финансовом балансе. А еще я понял, что соскучился по теплым посиделкам с чаем, пирожными и прикольным квестом в то время, как за окном кружится снег. До Анжелы я некоторое непродолжительное время встречался с девушкой Аней. В ней не было ничего суперпривлекательного, и секс на третьей неделе знакомства казался ей безумством, схожим с затычным прыжком с парашютом, но, блин, как уютно было играть с ней темными осенними вечерами в старые ДОСовые игры на двоих или разгадывать кроссворды! А еще она научила меня готовить клювую яичницу с сыром и маринованными грибами. Правда, недостатков у Ани, на мой взгляд, было гораздо больше, чем достоинств, поэтому у нас ничего так и не получилось. Остаться вечером дома для Анжелы было невообразимой скукой, а в выходной – просто недопустимой вещью. Учитывая то, что я сам снимал маленькую квартиру, то есть никто не мешал проводить свободное время, просто наслаждаясь, так сказать, обществом друг друга, это было для меня, не очень понятно – куда-то постоянно бежать, где-то тусить.

Тем не менее, я был в достаточной мере без ума от Анжелы, чтобы выдержать этот энергичный темп жизни. К тому же семестр только начался, и еще примерно месяц об учебе я мог практически не думать. Когда же вызвавшийся потанцевать с моей Анжелой лысый качок попытался устроить со мной разборки, я вдруг понял, что так дальше нельзя и нужно что-то менять. Страсть к вечеринкам, неутомимая жажда «зажигать» у нее перекрывали все остальные разумные чувства, и я в этой ситуации оказывался заложником ее желаний. На следующий день после инцидента я попытался расставить все точки над «i», но попытка моя переросла в нелепую ссору, лейтмотив которой заключался в том, что пока мы молоды, нужно ловить от жизни все и она не собирается в двадцать лет сидеть как старуха дома. Я понял – решать, что делать дальше, зависит только от меня. И я решил. В конце марта я объявил Анжеле, что ухожу. Были надутые губы, уставившиеся в пустоту глаза, просьба не делать этого, одинокая слеза – все как полагается. Я был непреклонен. Единственное, на что она меня уговорила, так это прийти поздравить ее с днем рождения через несколько дней.

В принципе, я мог бы и нарушить данное слово, но мне еще надо было забрать у Анжелы несколько своих дисков с редкими записями – я просто не мог сделать это в тот злополучный день. Короче, я купил цветы и отправился к ней.

На улице понемногу сгущался туман. Я сел в автобус шестого маршрута – самый оптимальный вариант добраться до дома Анжелы – и уже в который раз погрузился в свои не очень веселые мысли.

В самом деле, почему так происходит в моей жизни? Я не бабник, я хочу именно нормальных постоянных отношений, но самый долгий мой роман длился семь месяцев. Ее, кстати, звали Надя, и я по

сей день жалею, что у нас ничего не вышло, ибо это была моя первая настоящая любовь. Мы познакомились, посещая одного и того же репетитора по физике перед поступлением. Я метил на экономическую кибернетику, но поступил на машины из-за более низкого конкурса. Она метила на экономику и... не прошла. Это не помешало нам встречаться и дальше, но новая интересная и насыщенная студенческая жизнь, в которую я окунулся, отодвинула нашу любовь на второй план. Мы расстались абсолютно глупо после какой-то банальной размолвки, потому что я по своей дурачности не сделал первый шаг к примирению, хотя, в общем-то, именно я и был не прав. Мне казалось, что девчонка так себе, и я еще встречу свою королеву, вон сколько вокруг красивых, умных, обаятельных. С того времени прошло три года, но лучше Нади я так и не встретил.

Автобус подъехал к нужной остановке. Я переложил цветы из одной руки в другую и вышел в вязкие весенние сумерки. Мне показалось, что запахло морем – странная смесь ароматов выброшенных на берег водорослей, пойманной рыбы, утреннего бриза и даже поджаренных на костре мидий. Когда я учился в школе, я почти каждое лето ездил к бабушке – она жила в маленьком приморском городке километрах в ста отсюда, а то и больше. Ближе к нам ни моря, ни каких-либо других крупных водоемов нет. И, тем не менее, в воздухе носился именно такой своеобразный аромат, вызывающий воспоминания о пристани в бабушкином городке. Выпустив меня и еще пару человек, автобус отъехал от остановки, на ходу зажигая фары.

Я огляделся по сторонам и перешел улицу, заметив, как выползают из оврагов и балок щупальца тумана. Мне чертовски не хотелось переться в этот вечер к Анжеле, да и в любой другой вечер тоже, но многоэтажная громада ее дома уже выплыла мне навстречу.

Анжела была не одна. С ней была подруга Катя, которая порой составляла нам компанию во время походов на дискотеку. По тому, как я был встречен, я почувствовал, что вечерок будет еще тот. Вот только масштабы я бы ни за что не предугадал. Я вручил имениннице цветы, чувствуя себя несколько неловко оттого, что мой подарок ограничивался только букетом и проследовал за ней и Катей в комнату, где меня ждал накрытый стол. На Анжеле была соблазнительная мини-юбка, я невольно скользнул взглядом по красивым ногам, которые мне всегда нравились. Издевается. Или издеваются, так как наряд Кати ничуть не уступал по откровенности Анжелиному, а кое в чем даже превосходил.

Мы сели за стол. Анжела была весела и подозрительно вежлива. Когда я откупорил бутылку муската, они как-то странно переглянулись с Катей, но этим дело и кончилось. Мы провозгласили первый тост за здоровье именинницы, выпили, закусили, и понемногу завязался более-менее светский разговор. То, что мы были не одни с Анжелой, наверное, было даже хорошо. Катя принялась увлеченно рассказывать про какое-то новое шоу на первом канале. Постепенно моя напряженность проходила. Нет, мне никогда не понять, зачем девушкам нужны такие необъяснимые с точки зрения логики поступки. Я не вернусь, это же очевидно, так зачем устраивать все это представление, зачем звать меня и делать вид, что ничего не произошло!? Или она все-таки думает, что сможет уговорить меня? Или показать, какое счастье упускаю? Ладно, поиграем.

На втором тосте девчонки, сославшись на чрезмерную сладость муската, перешли на сухое вино. Я вспомнил, что Анжела не любит красное вино. В отличие от меня. Я от души наполнил бокал.

Через полчаса я почувствовал, что начинаю пьянеть. Все звуки как-то разом отодвинулись, голоса стали похожи на сделанную в режиме «моно» магнитофонную запись. Внутри разлилось тепло и какой-то всепрощающий пофигизм. За столом к тому времени воцарилась достаточно мирная атмосфера, хотя и прерываемая порой колкими шутками. Их я попросту пропускал мимо ушей. Основных острых тем мы избегали, этого было достаточно.

Катя сходила и включила магнитофон. Рикки Мартин. Ладно, мне-то что?

Выпив еще бокал, за хозяйку, я решил больше не пить. Вино, бесспорно, было хорошее и в любой другой обстановке, я бы продолжил, но сейчас мне не хотелось бы терять контроль над собой. Я съел еще немного традиционного салата с крабовыми палочками («Ну, где вы видели у краба палочки?», как говаривал один юморист). По правде сказать, по настоящему вкусным на столе был только этот салат и жареная под сыром курица. Все остальное было обычной едой. Не знаю как Катя, а Анжела умела нормально только бутерброды в микроволновке разогревать. Впрочем, я не привередлив. Условия самостоятельной жизни приучили.

Девчонки тоже слегка опьянели. Слегка заплетающимся языком Катя потребовала от меня тост. Попытка налить вместо вина колы была пресечена долгим трепом о каком-то там неуважении. Чтобы заткнуть эту речь мне пришлось сдаться. Мне налили почти полный бокал. Старый тост про исполняющую желания рыбку был воспринят на ура. Под пристальным взглядом двух тигриц, я сделал пару глотков.

– Нет, что же ты за мужик!? До дна!

С безразличным видом я повиновался. Все равно, как я знал по опыту, у моего организма есть еще некоторые резервы. Однако давление в отношении выпивки продолжилось и дальше. С небольшим опозданием я понял, что Анжела с Катей хотели меня накачать. Вот стервы!

Я предложил сделать перерыв, и, пока девчонки курили на балконе, разыскал в соседней комнате свои диски. Мои руки плохо слушались, аккуратные стопки после моих поисков превратились в развалины, но это не смутило меня. С невозмутимым видом я прошел в прихожую и сунул диски в куртку. Я уже достаточно опьянел, пора была собираться домой, пока ничего не случилось.

Но, разумеется, так просто меня никто не отпустил. Самое правильное было – на все забыть и прямо сейчас уйти, но... я остался. Остался, потому что Анжела попыталась соблазнить меня. На самом деле, как оказалось, у нее на уме было совсем другое, но я не сразу понял, что именно. Вообще-то мозгов не наделять глупостей у меня хватает в любой ситуации, но иногда разумные мысли приходят с некоторым запозданием. К тому же Анжела внешне представляла собой именно тот тип девушек, который заводил меня с пол-оборота. Она просто излучала сексуальность. Так что в данной ситуации для разумных поступков приходилось делать «поправку на ветер».

Пока Катя была на балконе, Анжела подошла ко мне и, неожиданно прижавшись ко мне, запечатлела на губах сочный поцелуй. Почему-то я совсем не удивился. Я на автомате потянулся к ней, но Анжела отстранилась и ловким движением сунула мне ко рту наполненный наполовину бокал, шепнув:

– Подкрепись, чтобы у тебя хватило сил на меня.

С печальным вздохом, я отхлебнул вино, показавшееся мне уже не столь вкусным как раньше, поставил бокал на стол. Все, пора прекращать пить. Я хотел из любопытства посмотреть, сколько вина осталось в бутылке, но вдруг был отброшен Анжелой на диван. В голове то ли из-за резкого движения, то ли просто из-за выпитого все поплыло и то, что произошло дальше, я увидел уже как сквозь мутное стекло. Анжела сексуально качнув бедрами в такт музыке, склонилась надо мной, припала губами к шее, лизнула в щеку:

– Не шевелись. Только смотри...

И тут же вернулась на середину комнаты. Слегка, что называется, раздраженный, я попытался рвануть за ней, но моя нога зацепилась за ножку стола, и я, покачнувшись, снова упал на диван. Анжела рассмеялась и погрозила мне пальчиком. Из-за балконной двери показалась Катя. Помню, единственная, трезвая мысль на тот момент, у меня была про то, что по полу из-за открытого балкона потянуло зябким холодом. Потом Анжела сделала музыку погромче и принялась танцевать в паре с Катей, вкладывая в и без того эффектные движения всю свою сексуальность. Через минуту блузка Анжелы полетела мне в лицо, а Катина была полностью расстегнута. Я почувствовал себя зрителем в стриптиз-баре. Интересно, а они не боятся, что я наброшусь на них? Впрочем, опьянение нарастало и вряд ли я бы смог сделать что-то подобное, у меня даже настоящей эрекции не возникло. Думать я еще мог вполне сносно, но тело двигалось уже не так послушно. Мой взгляд скользнул по столу, и я увидел, что вина еще осталось с четверть бутылки. Странно, это что с такой дозы и под закуску меня так развезло? Танцы девушек становились все развратнее. Они уже внесли в свои движения элементы лесбийской любви. Поначалу это казалось мне игрой, но вот они поцеловались по-настоящему всасос, Катя принялась играть с юбкой Анжелы, приподнимая ее выше. Рука последней в свою очередь скользнула по груди Кати, стянутой черным лифом.

Интересное шоу! Мои пьяные мысли полезли в область того, что же будет дальше. Они меня изнасилюют? Или так и будут дразнить? Быть может целью такого «прощания» было напоить меня в стельку, раздеть и выкинуть вон? Но не настолько же я пьян! Хм, а что собираюсь делать я? Откровенно говоря, эти игрища меня здорово возбуждали. Для меня, однако, все решилось само собой. Я почувствовал, что в животе рождается неприятная жгучая волна и медленно подкатывает к горлу. Нет, это была не тошнота, а какая-то дикая разновидность изжоги. Все возбуждение мигом пропало. Слабость охватила меня, ноги потяжелели, в поле зрения появились маленькие черные точки. Они кружились как искры после набитой шишки, но только гораздо более зловещие. Что за бред со мной происходит! Я попытался встать. Анжела, кажется, уже всю ласкала подругу, но я не был уверен, вижу ли это вправду. Было бы мне полегче, я бы попытался выяснить это и даже – какого черта! – поучаствовать, но мне реально было нехорошо. С трудом я поднялся с дивана. Анжела направилась ко мне, улыбаясь и двигая телом в такт музыке, которая внезапно неприятным эхом стала гулять в моих ушах. Она что-то сказала мне и, выставив грудь, попыталась загородить проход. Катя подлетела сзади, я почувствовал ее руки у себя на животе. В окутавшем меня безумии неожиданно явственно повеяло ароматом ее духов, сладким и навязчивым. Из всех сил я оттолкнул Анжелу, оторвал от себя руки Кати, и в этот момент ужасная мысль посетила мой мозг. Они подсыпали что-то в вино! Какой-то яд!

Попытавшись, я добрал до ванной и, включив воду, сунул голову под умывальник. Вот это влип! Но не убить же меня собирались! Не настолько же я досадил своим решением Анжеле! И все-таки, какая мстительная сука! Может то, что бросаю я, а не она, так для нее важно? Мои мысли путались. Сумбурные клочки каких-то образов вертелись перед глазами вместе с исчезающими черными точками: переплетение двух женских тел, куриные кости на белой скатерти, туман за окном и даже почему-то мутные лужи, в которых отражались тусклые пятна фар. Тем не менее, холодная вода сделала свое дело. Мне немного полегчало. Шум в ушах пропал, зрение обрело четкость, но в животе по-прежнему

происходили необъяснимые процессы. Оторвавшись от умывальника, я оглянулся и увидел, что в дверном проеме, вопреки моим ожиданиям, никого нет. Вызвать рвоту что ли? Не хотелось. Я сделал осторожный глоток, водопроводная вода покатила по пищеводу внутрь. Лучше. Придерживаясь стены, я отошел от умывальника, даже не закрыв кран. Выглянул из ванны. Прихожая была пуста. Звуки музыки доносились из комнаты, на их фоне мне показалось, что я слышу характерные стоны. Значит шоу продолжается? Что они ждут от меня? Что я брошусь, и буду пытаться устроить групповуху. Хрен! Я не собирался быть игрушкой для двух свихнувшихся кошек.

Я тихо проковылял в прихожую и, путаясь в шнурках, стал обувать кроссовки. Стоять согнутым было ужасно неприятно, живот отозвался волной тупой боли, и я сполз на пол. Кровь пульсировала в висках, словно у человека с повышенным давлением. Из комнаты продолжали доноситься зазывные звуки. Приманка? Или игра реально увлекла их? В отличие от гомосексуализма я не считал лесбийскую любовь отвратительной, но это все-таки порядочная аномалия. Никогда не подозревал, что мне доведется вплотную с этим столкнуться.

Захотелось хоть глазочком посмотреть, что они там вытворяют, но я твердо решил не делать этого. Кое-как шнурки были завязаны. Я снял с вешалки куртку, и, стараясь не шуметь, покинул квартиру Анжелы. На лестнице, торопясь побыстрее убраться, я чуть не упал, но, вцепившись в перила, удержался. Лифт был послан к черту – этаж всего лишь четвертый. Ниже третьего этажа, правда, не горело ни одной лампочки, но деваться мне было уже некуда. Обеими руками держась за перила, я стал ногами на шаривать невидимые ступени. Спусти три лестничных проема стало посветлее. Вначале мне спяну показалось, что белесоватое свечение вызвано выпавшим на улице снегом, но потом я понял, что это туман. Где-то наверху хлопнула дверь. Они? Будут догонять меня? В голове снова все поплыло, но свежий воздух улицы, до которой я почти добрался, привел меня в чувство. Все, последний пролет. Но, неожиданно преодолев ступени, которые я считал последними, передо мной оказалась еще одна лестничная площадка. Я что, ошибся с этажами? Где-то наверху послышались шаги, и сердце у меня пару раз стукнуло сильнее. Нет, это не было страхом, мне просто дико не хотелось тратить силы на глупые разборки, объяснения. Довольно, не хочу я больше ничего слушать, да и сказать мне нечего! Какая-то считающая себя жутко умной частичка моего мозга попыталась успокоить меня тем, что если бы открывалась дверь Анжелиной квартиры, я бы услышал звучащую музыку.

Где же, черт возьми, первый этаж? Я попробовал передвигать ноги энергичнее, но чуть не упал. Стены, темнота, исчезающие, и вновь появляющиеся шаги наверху действовали на нервы. Никогда не думал, что предрасположен к клаустрофобии.

Вот! Наконец-то! Я свернул на очередной лестничный пролет и увидел светлеющий прямоугольник. Да! Да! Да! Пять секунд спустя я, пошатываясь, вывалился из подъезда и окунулся в прохладу туманного вечера. Запах моря показался мне прелестным ароматом. Сконцентрировавшись, я принял строго вертикальное положение и пошел вперед. Сквозь туман.

Такого густого тумана я еще не видел. Ближайшие дома едва проглядывали сквозь плотную серую пелену. При такой видимости, да моем состоянии мне бы не потеряться... Впрочем, автобусная остановка находилась недалеко. Я взял ориентир по кустам сирени и... пошел.

На свежем воздухе мне все-таки стало чуть полегче. Я уже начал сомневаться, что Анжела пыталась меня отравить, но без чего-то эдакого однозначно не обошлось. В животе по-прежнему неприятно ныло, и во рту наметился какой-то горьковатый сухой привкус. Я заметил, что мой пульс участился и дышу я как-то... прерывисто. В голову словно мусора напихали. Да что же это такое! Нет, понятно, я пьян, но не настолько же! Бывало (но очень редко) я и после двух бутылок вина, выпитых, правда, в течение вечера, а не за час, достаточно крепко держался на ногах. А тут такое...

Вдруг до меня дошло. Наркотик. Это какой-то наркотик, добавленный в вино, а, может, и в еду. Хотя вино вернее. Во-первых, вино, за исключением первого тоста, пил только я. Во-вторых, в сочетании с алкоголем, любое средство такого рода наверняка усиливается. Вот только что это было? Я вовсе не спец в данном вопросе. Пару раз еще в школе мне доводилось покуривать травку, но этим дело и ограничивалось. В любом случае наркотик подразумевает получение кайфа, я же не получил ничего, кроме тошноты и злости.

Ноги заплетались. Можно было остановиться передохнуть, присев на лавочку или какую-нибудь завалинку, но я решил не делать этого. Вдруг еще накроет, и я не встану. Однако тормознуть пришлось. Похоже, я немного заплутал в тумане. Моя голова работала уже откровенно хреново, но догадаться, что я пропустил нужный поворот, удалось.

Вокруг меня было темно. Иногда из тумана появлялись какие-то тени, доносились голоса. Я почти не помнил, как нашел нужную дорожку и вырвался к дороге. Едва пробиваясь сквозь пелену тумана, там плавали отсветы фар машин, уже достаточно редких в этот час. Где-то на полпути к остановке у меня включился автопилот. Когда же я дошел до крытого закоулка с поломанной лавочкой, меня, как я уже упоминал, накрыло окончательно.

Не помню, сколько времени я провел на остановке. Помню, подъезжали какие-то автобусы, в них садились редкие прохожие. Кое-кто презрительно пялился на меня, пока я стоял, упершись в исписанную стену, и думал лишь о том, чтобы не упасть. Окруженные размытыми ореолами мимо проплывали огни. Белые, красные, иногда желтые. Наконец мне удалось собрать воедино размытые по черепной коробке мозги и извлечь из них основное знание: «Мне нужно домой. Мне нужен шестой автобус. Я сяду в него и отсчитаю пять остановок». Я развернулся так, чтобы видеть подъезжающий транспорт.

Подъехала маленькая маршрутка №4. Нет. Через несколько минут тормознул одиннадцатый номер. Еще какой-то автобус проехал, не останавливаясь. Интересно, а сколько тут всего маршрутов? Вспомнить это мне не удалось.

Потом долго не было вообще никаких машин и я, ужасно фальшивя, стал насвистывать «Туман, туман». Старая песня, ее другое название «Воздушные рабочие войны» или что-то в этом роде. Короче, там поют про туман. Однажды эту песню спел Летов из «Гражданки». Я улыбнулся, порадовавшись тому, что эта, хоть и глупая, но все-таки осмысленная информация, прорвалась сквозь мрак моего пьяного мозга.

Наконец, спустя, наверное, целую вечность, к остановке подрулил старенький ЛАЗ с перекошенной номерной табличкой. Я напряг зрение и разглядел заветную «шестерку». Сконцентрировавшись, я поднял руку и, покачиваясь, шагнул в со скрипом распахнувшуюся дверь.

Автобус был небольшой, грязный и практически пустой. Едва мой зад коснулся рваного сиденья (ближайшего ко мне), я тут же забыл про намерение считать остановки. Впрочем, даже если бы укачивающее движение маршрутки не сморило меня, это было бы весьма проблематично. Автобус тормозил вовсе не на каждой, а всматриваться в картинку за окном было бесполезно – город был полностью во власти тумана.

Короче говоря, я задремал под размеренный рокот мотора и очнулся лишь оттого, что кто-то трясет меня за плечо. Я с трудом разлепил глаза и увидел перед собой небритого дядьку в потертой джинсовой куртке. За ухом у него была заложена сигарета. Выражение лица не было злым, но мне оно совсем не понравилось. Через несколько секунд до меня дошло, что это водитель автобуса, и что мы приехали. Водила добавил к своим жестам трехэтажный мат и ощутимый толчок в плечо. Хотя я и понял, что проехал свою остановку, спорить я не стал. И только когда ступил на землю, подгоняемый крепкими шоферскими выражениями (хорошо хоть не пинком в спину, иначе я вряд ли бы устоял на ногах), сквозь нарастающую головную боль осознал, что делаю большую ошибку. От конечной шестерки до моего дома четыре остановки. Почти то же самое, что идти пешком от Анжелы.

Я поспешно обернулся, собираясь по-человечески объяснить ситуацию, но двери автобуса уже закрывались. Я замахал руками, надеясь, что меня все-таки увидят, но автобус безапелляционно тронулся с места и через миг растворился в ночи. С некоторым опозданием до меня дошло, что водила даже не потребовал у меня денег за проезд.

Пару минут я растерянно стоял посреди дороги, постепенно приходя в себя. Быть резко выдернутым из сна всегда не очень приятно, но когда ты пьян, неприятно вдвойне. Живот болел меньше, но неприятная навязчивая боль заползла в голову. Во рту было сухо. Сознание, сконцентрировавшееся на тот недолгий промежуток времени, пока я выползал из салона автобуса, вновь расплзлось по черепному пространству. Я тяжело вздохнул и, пошатываясь, отступил к бордюру.

Сесть. Нужно сесть и подумать.

Я опустился прямо на бордюр, даже не заметив, что он мокрый от росы. Вокруг меня плавал туман, белесый, непроницаемый. Темно. Единственный источник света находился за моей спиной. Это была вывеска магазина. Я оглянулся и с трудом прочел его название. «Светлячок». Что за идиотское название! Несколько секунд у меня на губах держалась глупая улыбка, потом она, как в каком-то комедийном фильме, медленно сползла с моего лица.

На конечной «шестерки» нет никаких магазинов. Там находится хлебозавод и в округе всегда носится запах свежего хлеба. Хотя нет, гастроном, кажется, есть, но он находится в стороне. И уж точно никаких «Светлячков».

Я огляделся. Сквозь туман мало что можно было разглядеть, но передо мной, это совершенно очевидно, была клумба. Чахлая сосна и низкий кустарник черными силуэтами прорисовывались сквозь сумрак. Бред! Конечная шестого маршрута – это просто заасфальтированный пятячок. Там нет никаких клумб. А автобусы ходят, хотя и редко, но все же допоздна. Я повертел головой. Не то, что автобуса, в окрестностях не наблюдалось ни единой машины. Ну и, конечно, вместо хлебного аромата здесь витал знакомый запах тумана.

– Вот дерьмо! Где это я?!

Я точно помнил, что сидел на шестерку. Образ подъезжающего ЛАЗа с перекошенным номером всплыл в памяти. Нет, точно шестерка. Может, я, заснув, сделал полный круг и это противоположный полюс маршрута? Не похоже. Или шофер, отработав свое, отправился в гараж, и тут, вдруг обнаружил в салоне пьяного спящего пассажира. Вот и выкинул меня по дороге. Какая бесчеловечность!

Деньги. Нужно проверить деньги. Вдруг меня обокрали? А еще ключи от дома. Не потерял ли? Когда я выпиваю, желание ничего не «посеять» становится моим «пунктиком» и я по несколько раз проверяю по карманам все ценные вещи. На этот раз все было в порядке. Включая даже диски в широком внутреннем кармане куртки.

Я посидел на бордюре еще несколько минут, пока не ощутил, что моя задница замерзла. Тогда я поднялся и решил пойти вдоль дороги. Мое состояние, если можно так выразиться, приобрело некую стабильность: кое-как соображающая голова, кое-как передвигаемые ноги. Спать уже перехотелось, но прилечь я бы не отказался. Однако с этим, видно, придется повременить.

Я двинулся мимо клумбы в сторону, противоположную «Светлячку». Дорога едва-едва просматривалась в тумане. Тротуаров не было и в помине. Что за район?! В надежде, что объявится какая-нибудь заблудшая маршрутка, я побрел прямо по дороге. По обочинам теснились кривые домишки, едва различимые во мгле. В некоторых из них горел свет, туманный, призрачный, словно неэлектрический. В одном из таких окон, находящихся сразу за невысокой редкой оградой я увидел скрюченный человеческий силуэт. Впрочем, мне могло и показаться.

Блин, только бы не нарваться на приключения! Однажды в темную осеннюю ночь я возвращался домой, и на улице за мной увязались два типа. Когда они следом за мной свернули в подворотню, я понял, что дело плохо. К счастью, я был трезв и в довольно хорошей физической форме (как раз в то время я увлекся восточными единоборствами). Свернув за угол, я притаился и едва первый преследователь вынырнул, нанес ему сильный удар в челюсть. Тот согнулся и слегка осел. Второй налетел на него и на секунду потерял ориентацию. Не церемонясь, я вмазал ему ногой в пах и со всех ног рванул домой. Если не считать ушибленной руки, все обошлось. Меня не преследовали. А из-за того, что в критическую минуту мне не пришел на ум ни один из так тщательно изучаемых приемов, я бросил тренировки.

Сейчас мне бы тоже очень хотелось, чтобы обошлось без приколов.

Но не получилось.

Я прошел метров сто, придерживаясь обочины, как вдруг откуда-то из мрака донесся звук, напоминающий шуршание бумаги. Он нарастал, и через миг из тумана вынырнуло несколько белесых пятен. Я не успел ничего понять и разглядеть, как стайка, шурша крыльями, пронеслась прямо над моей головой. Я даже почувствовал движение воздуха от крыльев. Птицы что ли? Несколько секунд я стоял ошарашенный произошедшим, однако все стихло. На улице стояла полная тишина, лишь где-то далеко журчала вода.

Постояв еще немного, я пошел дальше. Голова была словно набита разными тряпками, очень хотелось пить, но ноги, по крайней мере, слушались нормально. Апогей опьянения, кажется, миновал. Эх, домой бы добраться... И почему нет ни одного автобуса?!

Под подошвами у меня внезапно появилась мостовая. Странно. Я вроде бы не помнил в городе ни одного такого места. Впрочем, я здесь всего четыре года – ровно столько, сколько учусь в институте.

По обочине стало трудно идти из-за скопившегося там мусора, и я вышел на середину дороги – все равно вокруг не наблюдалось ни одной машины. К запаху моря здесь примешивалась едва уловимая, но довольно навязчивая вонь каких-то рыбных отходов. Я выругался и ускорил шаг.

Где-то стукнула дверь, истошно проорала кошка. Инстинктивно я вздрогнул и принялся оглядывать по сторонам. Привыкшие к темноте глаза различили лишь тусклое световое пятно где-то сбоку от дороги, именно там, откуда донеслись звуки. Все остальное, как пунктик в настройках принтера, было градациями серого. Причем темно-серого. Впору было выставлять руки, чтобы ни на что не наткнуться.

Через несколько метров мне так и пришлось сделать. Огромное кряжистое дерево преградило мой путь. Я опешил. Мне казалось, я все еще иду по дороге. Однако при ближайшем рассмотрении под ногами не оказалось даже брусчатки, которая была там еще совсем недавно. Бред! Я начал огибать дерево и тут мне показалось, что его ветви черными щупальцами тянутся ко мне. Я отскочил. Уж не галлюциноген мне подсыпала Анжела? Или я настолько напился, что мне уже мерещится всякая дрянь? Белые птицы (или это были летучие мыши?), мостовая, дерево с живыми щупальцами...

С гулко колотящимся сердцем я метнулся в сторону единственного светового пятна. Туман немного расступился и я увидел, что это крыльцо небольшого домика. Слабая лампочка без плафона висела над обшарпанной дверью, когда-то окрашенной синей краской. В надежде увидеть на доме название улицы, я подошел поближе к крыльцу и остолбенел.

На крыльце спиной ко мне сидело неизвестное существо, вызывающее ассоциации не то с гоблином, не то с троллем, и раздирало тушку кошки (не эта ли кошка орала только что?). Все ступеньки были забрызганы кровью. Клочья шерсти валялись вокруг. Существо когтистыми мохнатыми лапами отрывало от своей добычи куски плоти, и совало их в рот, пережевывая с омерзительным чавканьем. В свете единственной тусклой лампочки картина выглядела кадром из фильма ужасов или заставкой какой-то кошмарной экшн-игрулины.

Надо отметить, я никогда не дрожал над ужасиками. Единственный фильм, которым меня пронял до костей, был «Омоложиватель», но лишь потому, наверное, что это была первая лента подобного жанра, а посмотрел я ее лет в двенадцать. Еще несколько книг и фильмов оставили след в моей памяти за счет хорошего сюжета и достойного воплощения, но по настоящему монстры никогда меня не пугали.

До этой минуты.

Существо было реальным. Я стоял в десяти метрах от него и прекрасно это осознавал. Даже призрачная сущность тумана не могла убедить меня в этот момент, что мне это снится. Галлюциногены в вине? Бред! Не могло такое просто привидеться! Или все-таки могло...

Какое-то время я с бешено стучающим сердцем стоял и смотрел, как существо продолжает доедать кошку. Мысли мои от стресса немного прояснились, но ноги словно налились свинцом. Колени мелко дрожали. Я был не уверен, что вообще смогу сдвинуться с места. Но сдвинуться с места было необходимо! И даже больше. Нужно было бежать! Сосредоточившись, я тихонько отступил назад, в туман.

Шаг. Еще. Сквозь мглу было видно уже лишь смутную сгорбленную фигуру. Я продолжал пятиться, холодея от мысли, что маленькая уродливая голова может обернуться, и тварь меня заметит. Только бы под моими ногами ничего не загремело! Когда туман полностью скрыл от меня картину ужасной трапезы, я повернулся и побежал. В моих ушах стояло аппетитное чавканье.

Я бежал не разбирая дороги. Мне начало казаться, что я попал в какой-то неведомый безликий лабиринт, величественный и ужасающий. Вокруг меня был лишь мрак. Мне начало грезиться, что я слышу позади клцанье когтей по асфальту. По асфальту ли? Я прислушался к отзвуку своих шагов, попытался распознать тип почвы по сцеплению с кроссовками. Похоже, действительно, асфальт. Я весь взмок, но продолжал бежать, ориентируясь лишь по чуть менее черному пятну дороги перед собой. Где-то сбоку раздался треск ломающейся ветки. Машинально я повернул голову в том направлении, и тут моя нога зацепилась за что-то тяжелое. Я полетел на землю.

Я упал, обдирая руки, и сразу же почувствовал, что упал не просто на асфальт. Что-то подо мной было. Когда я уперся руками, чтобы встать, мои ладони окунулись во что-то копошащееся. Я сдавленно вскрикнул. Насекомые! Какая-то тварь побежала по руке вверх. Я судорожным движением стряхнул ее и в одно мгновение подскочил с земли, нервно отряхиваясь. Ничего не имею против насекомых, но ползающие в кромешной тьме твари (причем неизвестно, что за твари), норвящие заползти ко мне в рукав... Это уж слишком! Первые шаги, после того, как я поднялся, сопровождались душераздирающим хрустом, словно под ногами были рассыпаны чипсы. Совсем не к месту вспомнился фильм «Индиана Джонс» и скорпионы, по которым они ходили в одной из серий.

Скорпионы там тоже очень характерно хрустели под ногами.

От этой мысли меня пробила крупная дрожь, и я побежал, даже не думая о том, что снова могу упасть.

Я остановился лишь тогда, когда из тумана выплыла клумба конечной остановки и впереди по курсу светлым овалом обозначилась вывеска «Светлячка».

Твою мать! Ну и дела! Я до сих пор не мог понять, что произошло. Видел ли я то, что видел, или это все долбанные глюки? Я не имел представления, на что способны реальные галлюциногены, но *такое*... Я словно попал в другой мир, другое измерение, мать его так! Этот туман... Я уже не чувствовал себя пьяным в плане алкоголя, но и от трезвомыслящего человека меня отделяла большая пропасть. Я попытался отдышаться и успокоить бешено стучащее сердце. Нет, мне точно не померещилось! Ладони были липкими от раздавленных при падении жуков (или не знаю чего еще там). Мне тут же, кстати, захотелось избавиться от этой напасти. В двух шагах оказался столб. Напряженно оглядываясь, я направился к нему.

Мне трудно описать свое состояние в тот момент. Я действовал словно в каком-то полусне, одновременно чувствуя, что мир вокруг реален. Реален, даже не смотря на этот непроницаемый туман. Вот только реальность была какой-то чужой. Мысли в голове застыли, будто присыпанные каким-то заклятием из «Героев». Вдобавок ко всему отступившее, пока я бежал, опьянение вновь подкатило со старыми забавами.

В задумчивости я как мог вытер руки о столб, слабо обращая внимание на царапины. Покончив с этим немного шизоидальным делом, я поднял голову вверх и увидел выцветший проржавевший по краям знак «Конечная остановка». Я едва разглядел эту надпись в темноте. Под ней стояли цифры. «16».

Чего!? Шестнадцать? Я даже не знал о существовании такого маршрута. Что это за захолустье! Конечно, не мне, человеку из маленького городка с населением в пятьдесят тысяч, судить о захолустьях, но здесь ну... просто клоака какая-то!

Не думая, что делаю, я обтер руки еще и о джинсы. Так... Значит, я просто не разглядел цифру «1» на табличке автобуса. Что ж, попал, так попал!

Нужно было что-то делать. Я внимательно огляделся. Какие-то тени бродили в глубине ночи. На фоне вывески, словно дым, клубился туман. Слышались странные звуки, и далекие приглушенные голоса.

Единственным очагом цивилизации был магазин, ну и еще, быть может, угловатый силуэт машины, припаркованной неподалеку.

Я постарался припомнить, сколько у меня денег. Десятка или чуть больше. На такси должно хватить. Может в магазине есть телефон? И еще очень хотелось пить. Минералочки хотя бы ноль пять...

Я поспешил к «Светлячку».

По трезвяку я бы никогда не зашел в такой магазин, хотя, в общем-то, не особо разборчив в выборе торговых точек. Просто, как я сразу понял, часть магазина была отведена под отстойный дешевый бар, а в таком районе, в такое время... Впрочем, после недавнего стресса «Светлячок» являлся по крайней мере совершенно реальным местом. Все остальное в этом тумане выглядело иллюзорным, как... как сам туман.

Я вошел в магазин и сразу почувствовал напряженную, словно наэлектризованную атмосферу. Перед дверьми спиной ко мне стоял патлатый тип в желтом плаще. На какой-то миг мне показалось, что он перегораживает дорогу невысокому парню в кожаной куртке, но при моем появлении сразу шагнул в сторону, открывая обзор на небольшой торговый зал и почти такую же по размерам пивнуху. За прилавком стояла размалеванная женщина лет тридцати, с абсолютно невыразительным лицом. Еще одна девица в зеленом переднике сидела в стороне за столиком, склонившись над какой-то тетрадь. Помимо них внутри присутствовали два каких-то бомжа, тупо плящущие то ли на меня, то ли на этого парня в кожанке.

Понимая, что встрял в какую-то разборку, я мысленно выругался, но все-таки шагнул вперед.

– У вас телефон найдется? – спросил я. – И минералка.

Пытаясь справиться с шумящей головой, я на секунду замер и в этот момент парень в кожанке выскользнул в дверь. Я сделал два шага, нащупывая мелочь на минералку, и тут услышал, как на улице хлопнула дверь автомобиля. Что-то щелкнуло в моей голове. Я понял, что это та самая машина, что стояла у тротуара неподалеку, а выскочивший в туман парень – ее владелец. Осознав, что он может вывезти меня из этого кошмара, я бросился из магазина. Почти извлеченная из кармана мелочь посыпалась на пол, но мне было плевать.

Машина уже заводилась. Белыми размытыми пятнами во тьме вспыхнули фары. Я споткнулся на пороге, но чудом удержал равновесие. Еще мгновение – и авто тронулось, разворачиваясь прямо через бордюр.

– Пожалуйста, заберите меня, – заорал я что было мочи, машинально переходя на «вы», хотя водила был старше меня максимум лет на пять, – вытащите меня из этой реальности! Я хочу домой!

Не обращая на меня внимания, тачка с ревом развернулась и направилась в сторону клумбы.

– Я заплачу! – закричал я вслед, но красные огни на глазах исчезали в тумане.

Послышался грохот удара, видно авто проложил себе путь через клумбу. Затем звук мотора изменил тональность и вскоре растворился в ночи. Я грязно выругался. Сволочь! Мог и подвезти!

С полминуты я тупо стоял посреди остановки, потом снова побрел в магазин. Вариант с вызовом такси никто не отменял.

Когда я вернулся в «Светлячок», то не заметил никаких перемен в смысле царящей там атмосферы. Не знаю, может быть, это впечатление было следствием винных паров, все еще витающих в моей голове, но какая-то нарастающая напряженность там явно чувствовалась. Я насторожился. Тип в плаще по-прежнему стоял недалеко от двери, будто ожидая меня. Продавщица с тупым выражением на лице протирала серой тряпкой витрину. Я шагнул от двери, нашаривая в кармане деньги.

– Удивительный вечер, – подал голос длинноволосый. Я первый раз посмотрел ему в лицо и неприятно поежился при виде шрама, пересекающего сверху вниз небритую щеку. – Таких интересных пташек заносит к нам сегодня.

Я не стал отвечать ему. Половина моих монет рассыпалась, когда я побежал за тем парнем, и теперь я пытаюсь увидеть их на полу. Или в таких местах что упало – то пропало?

– Что-то потерял? – в унисон моим мыслям отозвался волосатый.

– Слушай, отвали, – не выдержал я его комментариев и обратился к продавщице, – Какая у вас минералка подешевле?

– «Жемчужная». Ноль пять. За девяносто, – донеслось с той стороны прилавка. – Давать?

Я пересчитал деньги на своей ладони. Не хватало всего лишь пятака. Эх, хотя бы одну монетку из тех, что я рассыпал. Я пересчитал деньги опять, будто могло свершиться чудо. Разменивать десятку чертовски не хотелось – а вдруг с такси все-таки получится. Я принялся снова искать глазами по полу.

– Что не хватает? – это был вновь голос волосатого.

Я гневно вздохнул и откровенно послал его на три буквы. Наверное, мне стоило все-таки сдержаться, потому что из помещения пивнухи к нам уже направлялись два алкаша, глушившие за одним из столиков дешевую водку. Желтый плащ, тем не менее, попустился, или, по крайней мере, мне так показалось.

– Ладно, кореш, – на мое плечо легла тяжелая рука, – Не знаю на счет всего, что ты тут насорил, но какая-то из монет закатилась под прилавок. Я видел.

– Точно? – переспросил я и почти вежливо, чтобы не провоцировать никаких инцидентов, убрал руку со своего плеча.

– Абсолютно.

– Ладно.

Не знаю, как бы я повел себя, будучи трезвым, но сейчас я спустился вниз. Просвет между холодильной витриной и полом составлял сантиметров пять. Я заглянул в него и не увидел ничего, кроме грязи и мусора. Я вгляделся повнимательнее. Снова ничего. Злость закипела во мне. Я хотел уж было рывком подняться с пола и взять волосатика за грудки, но успел лишь поднять голову. Что-то тяжелое опустилось мне на темечко, и я отрубился. Последнее, что я увидел, были глаза без зрачков у подошедших к длинноволосому алкашей. Потом пришла темнота.

Мой приход в себя был долгим и болезненным. Первое, что вошло в мою жизнь вместе с осознанием собственного «я», была боль. Мою голову словно наполовину заполнили горячим битым стеклом и осколки перекатывались в черепе с заунывным скрежетом. Несколько минут я пытался сжиться с этой болью и этим звуком, и вскоре мне это почти удалось. Обжигающие накаты стекла, разумеется, никуда не делись, но шум в ушах уменьшился до более-менее приемлемого уровня. Когда это, наконец, произошло, я смог вспомнить, что со мной случилось. Анжела, не та маршрутка, туман, существо на крыльце, магазин, и... это.

Я проанализировал состояние своего тела. Во-первых, я скрюченный лежал на чем-то твердом, скорее всего, прямо на полу, и от этого у меня очень затекло все тело и особенно ноги. Во-вторых, очень болела голова, эпицентр боли находился в макушке. Шишка там была просто гигантская, но сотрясения, я вроде бы избежал. Меня хотя бы не тошнило. Не знаю, получится ли у меня встать? Впрочем, сейчас я был еще слаб для такой попытки. Ну и, наконец, в-третьих, все остальное, кажется цело. Но где же я? С превеликим трудом я разлепил глаза и... ничего не увидел, кроме темноты и бледных радужных пятен. На миг меня сковал ледяющий ужас, что я ослеп, но потом в темноте медленно прорисовался едва светящийся прямоугольник, расставив все по своим местам. Это окно, а вокруг просто темнота. И, все-таки, что это за место? Склад магазина? Вот, суки!

Сквозь шум в ушах я услышал еще какой-то тихий звук. Я не сразу определил, что это, но потом понял. Кто-то хныкал в дальнем углу. Ребенок? Я попробовал пошевелить ногой, раздалось шарканье, и звук исчез. Так... Я медленно перевернулся на спину и попытался сесть. Радужные круги завертелись перед глазами с новой силой. Когда зрение восстановилось, я смог разглядеть силуэты каких-то ящиков и бочек, окончательно утвердившись в мысли, что я в подсобке магазина. Вот только почему она такая большая? И как же здесь мерзко пахнет!

В дальнем углу опять послышались какие-то звуки. На какой-то миг, мне подумалось, что это крыса, но шорох снова сменился всхлипыванием. Превозмогая боль, я попробовал пошевелить языком:

– Кто здесь?

Мой голос прозвучал хриловато и еле слышно. В дальнем углу воцарилась полная тишина. Я подождал с полминуты и спросил:

– Ты хоть человек?

Настороженный девичий голос ответил вопросом на вопрос:

– А ты?

Не смотря на всю серьезность ситуации, я растянул губы в улыбке:

– Еще в шесть вечера был человеком.

Долгая пауза, а затем:

– Где мы?

А я думал она мне расскажет...

Я снова принялся озираться, теперь уже более тщательно. В сумраке вокруг меня высились грубо сколоченные ящики и бочки. Никакой современной тары. Я поднял голову вверх и вместо гладкого потолка увидел небрежно подогнанные доски. Рука, опущенная на пол, коснулась утопанного земляного пола, притрушенного соломой. Мне стало не по себе. В животе заглодело. Я бы не осмелился назвать это место подсобкой магазина. Скорее какой-то средневековый сарай. Воздух в помещении был спертый, воняло чем-то резким, прокисшим, ни разу в жизни мне не приходилось чувствовать такой запах. Короче говоря, приходилось признавать, что я не имею ни малейшего понятия, куда нас занесло.

Обладательнице робкого девичьего голоса я так про это и сказал. В ответ послышались тоскливый вздох.

– Как тебя зовут? – спросил я и попытался медленно встать. Голова при этом закружилась, ударив невыносимой болью по вискам так, что я едва расслышал ответ.

– Марина.

– Марина, – сцепив зубы я ждал пока успокоится голова, – можешь мне помочь?

Едва я это произнес, не очень приятная мысль мелькнула у меня в голове. А что если Марину тоже как следует обработали в физическом плане? Или она просто боится ко мне подойти? Оказалось, ни то, ни другое.

– Я... – едва слышно сообщила она, – я привязана.

Я машинально проверил свои конечности. Они были свободны. Даже странно.

– Но ты в порядке?

– Ну, если можно это так назвать...

В ее голосе уже почти не было слез. Это хорошо.

– Я попробую сейчас тебе помочь.

Кое-как я встал на четвереньки, и, уцепившись за высокий ящик, поднялся на ноги. Перед глазами замелькали искры, появился стук в ушах, задрожали колени. С минуту я стойко переживал все это, затем медленно поковылял туда, откуда доносился голос Марины. Пока я искал дорогу среди ящиков и бочек, у меня мелькнула мысль, что это ловушка, и вместо молодой девушки или девочки я обнаружу готовящегося к прыжку монстра, но логика взяла свое. Пока я лежал без сознания, со мной можно было сделать что угодно.

– Где ты?

– Здесь.

В углу, рядом со сваленными в беспорядке корзинами я увидел едва различимую тень.

– Марина...

– Да...

Она сидела спиной к стене, хрупкая маленькая девочка, девушка (я так и не понял, сколько ей лет). Руки Марины были привязаны к какой-то подпорной балке. Волосы средней длины разбросаны по плечам. В силуэте чувствовалось напряжение и настороженность.

– Ты не призрак?

– Полагаю, что нет.

Я медленно опустился на колени, ощупывая крепость веревки. Веревка была гниловатой, но напутана на славу. Мне бы нож или на крайний случай...

– Слушай, у тебя пилочки нету? – спросил я у Марины и в первый раз встретился с ней глазами, хотя в таком мраке про это вряд ли можно было сказать именно так. Все, что я смог разглядеть, была размазанная по щекам тушь.

Разумеется, я тут же понял, что мог бы и не спрашивать. Даже если у этой девушки и была сумочка, до таких вещей, как пилочка или маникюрные ножницы она явно не доросла. Хотя с другой стороны тушь...

– У меня есть ключ.

– У меня тоже, – я залез в свой карман, нашарил связку. Попутно проверил остальное. Удивительно, все на месте, даже злополучные диски. Хотя в их целости я сильно сомневался.

Марина зашевелилась, протягивая мне руки.

– А тебя как сюда занесло? – спросил я, принимаясь за работу.

– Зашла в магазин...

– Тип в желтом плаще?

– Да.

– Вот гад!

Я нацупал узел и попытался развязать его, помогая себе ключом. Если веревки придется перепиливать, то это будет та еще работка.

– Ну... Ты извини, что я спрашиваю, – начал я несмело, – с тобой ничего не сделали?

Какой-то миг она обдумывала мои слова, потом поняла:

– Нет. Слава Богу, нет. Просто схватили, завязали глаза и привели сюда.

– Тогда ты лучше меня знаешь, где мы могли оказаться. Меня вообще огрели чем-то по голове. Я ничего не помню.

– Я, в общем-то, тоже. Меня вели совсем недолго. Я слышала только шорохи, потом заскрипела дверь. И вообще я... Ну, я ревела, упиралась, чуть со страху не умерла. Потом меня примотали к этой палке и ушли. Повязку с глаз я сняла уже сама.

– Они что-то говорили?

– Да. Про то, что я буду их десертом, – при этих словах Марина вздрогнула, – не знаю в каком смысле. Хотя... Мужик со шрамом сказал это, когда принесли тебя.

– Когда это было?

– Не знаю, может спустя полчаса, или меньше.

Марина снова стала дрожать, и у меня возникло непреодолимое желание обнять ее, чтобы она опять не расплакалась. Что я и сделал, стараясь, чтобы девушка восприняла этот жест правильно. На меня

пахнуло ее духами и словно в противовес, я ощутил, что от меня слегка несет перегаром. Хотя вокруг стояла еще более неприятная вонь, это смутило меня и я разжал объятия.

– Извини, я тут... выпил недавно.

С большим усердием я взялся за веревки.

– А как тебя зовут?

Я вспомнил, что не представился и поспешил исправить положение:

– Дима. Меня зовут Дима.

– Будем знакомы...

Узел, кажется, поддался. Я хотел помочь себе зубами, но движение челюстей вызвало зверскую боль в височной области. Пришлось довольствоваться пальцами. Я ослабил часть узла, пропустил через образовавшуюся петлю конец веревки. Дальше пошло легче и уже через пару минут я разматывал веревку с Марининых запястий.

– Я думаю надо выбирать.

– Как?

Вообще-то, я понятия не имел, как. Вполне возможно, что амбар, в котором мы оказались, был самой настоящей тюрьмой. Но зачем тогда привязывать слабую девушку? Или, наоборот, почему не связали меня? В любом случае рано делать какие-то выводы. Следовало все проверить.

Я начал с окна. Оно находилось на высоте примерно двух метров. Небольшое, но в него можно было пролезть, если бы не два вертикальных прута, вбитых в раму. Я подтащил ближайший деревянный ящик и взобрался на него, выглядывая сквозь мутное стекло. Туман. Конечно же, туман. Лишь скрюченные ветви растущего неподалеку невысокого дерева проступали сквозь серую дымку. Я обратил свой взор на раму. Массивная, без всяких вычурных фасочек, не предназначенная для открывания. В принципе, стекло можно и разбить, но что делать с прутьями. Ладно, пусть их тоже можно сломать или согнуть, но на это уйдет время, а на звук разбитого стекла скорее всего тут же кто-то прибежит. Да и реально ли это? Я всмотрелся в то место в камне, куда были вставлены прутья. Все прочно. Никаких сколов или еще чего. Совершенно очевидно, их ставили не для красоты. Я прикинул, возможно, ли пролезть в пространство, оставляемое прутьями и дал отрицательный ответ. Это мог сделать разве что ребенок. Я обернулся и быстрым взглядом оценил фигурку Марины. Нет, она конечно маленькая, но не настолько.

– Ну что? – услышал я ее голос.

– Путья. На вид их не согнуть. А чтобы проверить, нужно разбить стекло.

– Но будет громко...

– Вот именно.

Я слез с ящика. Голова при этом закружилась, и я с полминуты постоял, приходя в себя.

– Больно?

Я устало кивнул головой. Марина подошла поближе. В тусклом свете, рожденном властвующим на улице туманом, я смог разглядеть ее в полный рост. Она была совсем маленькой, на голову, а то и полторы ниже меня. Кажется, на ней были джинсы и легкая куртка. Она приблизилась вплотную, и ее холодные пальчики пробежали по моим вискам, зарылись в волосы. Когда она прикоснулась к моей супершишке, я вздрогнул от боли и Марина быстро отступила:

– Прости.

– Нет, ничего. Вообще очень приятно.

– Правда?

– Ага, – за исключением шишки, это действительно было так. Прикосновение маленьких пальчиков отвлекало от приступов боли, да и вообще было приятно само по себе.

– Моя бабушка умела боль заговаривать. Может, что-то и мне от нее досталось.

Пальчики ускользнули. Я постоял еще немного, собираясь с силами, потом направился на поиски двери. Марина пошла со мной.

Мы нашли дверь в противоположном конце помещения. Крупная, окованная широкими полосами железа. Контур ее вырисовывался благодаря едва различимым щелкам, сквозь которые пробивался уличный, если можно так выразиться, свет. Я нашел место, где щель была наиболее широкой и, заглянув в нее, убедился, что свет именно уличный. Ни замка, ни замочной скважины я не обнаружил, но дверь, конечно же, была заперта. Я несколько раз подергал дверь, налег на нее плечом, замирая после каждой такой попытки и прислушиваясь к звукам по ту сторону, потому что дверь гремела. На улице было тихо, но и дверь не поддавалась. Я даже не мог определить, вовнутрь или наружу она открывается.

– Эх, осветить бы...

Я уже начал раздумывать о вероятности найти здесь какой-нибудь огарок свечи, но тут Марина воскликнула:

– Какая ж я дура! У меня есть брелок-фонарик.

Откуда-то из куртки она извлекла колечко с висящими на нем двумя ключами и пластмассовым сердечком. Я знал такие брелки, на которые нажимаешь – и вспыхивает маленькая лампочка, или, точнее, светодиод. Попасть в замочную скважину хватает.

– Держи, – она отцепила сердечко от кольца.

Я взял у Марины брелок, осветил. Замка не было ни внутри, ни снаружи. Я принялся внимательно изучать щель, пытаюсь понять, что держит дверь. Вроде бы простой деревянный засов, закрытый с той стороны. Еще я понял, что дверь открывается наружу, и держат ее большие стальные навесы. Слабых мест, похоже, не было. Оставалось либо попытаться выбить ее плечом (в успехе этой затеи я очень сомневался), либо поискать что-то вроде лома.

Я повернулся к Марине, собираясь сказать про засов. Лучик от брелка случайно упал ей на лицо и я, наконец, смог увидеть, с кем меня свела судьба. Девушке на вид лет шестнадцать. Миловидное личико с размазанной тушью, маленькие губки, сосредоточенно глядящие на меня глаза.

– Нам не выбраться, да? – в ее голосе не смотря на кажущееся спокойствие, слышался страх.

– Там засов с улицы, – мне тоже было немного не по себе. – Быть может, если найдется что-то вроде лома...

Я искал минут пять с перерывами, пока батарейка в брелке полностью не сдохла. Кроме ящиков и бочек мне удалось обнаружить лишь стоящую в углу метлу, несколько заткнутых пробками кувшинов с чем-то булькающим да несколько коротких досок, прислоненных к стене. Еще мне на глаза попались связки неизвестной травы и какие-то плоды, напоминающие тыквы, гирляндой подвешенные под потолком. Ничего из этого не могло помочь нам выбраться отсюда. Когда фонарик погас окончательно, я вздохнул и на ощупь направился к месту, где стояли кувшины. Мне очень хотелось пить и, хотя я понимал, что вряд ли содержимое кувшинов поможет мне утолить жажду, но решил все-таки проверить.

– Ты куда? – спросила Марина.

– Может в этих кувшинах что-то питьевое? У меня такой сушняк...

– Отравиться не боишься?

– Боюсь, – уже тише сказал я, но все равно не передумал.

Пробка была похожа на деревянную. Я выгащил ее и настороженно принялся. Пахло вином. Кислым и резким. Утолять похмельную жажду этим пойлом было неблагоразумно, но сохшие губы имели свое мнение. Мысленно перекрестившись, я сделал один глоток. Брага! Точно. Вкус был кислым до безобразия, но не отвратительным. Я сделал еще пару глотков, настороженно прислушиваясь к реакции желудка. Потом отставил кувшин, чувствуя во рту еще более мерзкую помойку, чем раньше. Эх, где ты минералочка?

– Дима? – позвала меня Марина. Я разглядел ее силуэт уже у окна.

– Что?

В голосе слышалось мрачное сосредоточение. Я вообще был очень рад, что она быстро уняла слезы, и не поддавалась панике – не хватало мне сейчас еще женских истерик. Может быть, ее успокаивало и придавало уверенности мое присутствие... Как бы то ни было, девчонка вела себя для этой ситуации просто молодцом. И даже больше... В этом я убедился через секунду.

– Знаешь, я, наверное, могла бы пролезть между этими прутьями.

Я подошел поближе. После поисков с брелком-фонариком глаза постепенно снова привыкали к темноте. Марина стояла прямо перед окном, подняв вверх голову.

– Ты уверена? – спросил я ее. – А если застрянешь?

– Ни в чем я не уверена, но... Что еще ты можешь предложить?

Я подумал. Можно продолжать искать лом, а если это не получится, устроить ловушку тем, кто за нами придет. Я с удовольствием бы взял реванш за свой нокаут. Но если Марине удастся вылезти и открыть снаружи засов – это было бы лучшим вариантом. Но как сделать так, чтобы она не поранилась разбитым стеклом?

Марина принялась карабкаться на ящик, с которого я несколькими минутами ранее изучал окно.

– Подожди, нужно сначала все обдумать.

– Да-да, я только посмотрю.

Я остался внизу, прокручивая в мозгу возможный сценарий. Прежде всего, пролезать нужно в центральную секцию, между двумя прутьями. Во-первых, она казалась немного шире, во-вторых, так меньше шансов пораниться – осколки стекла могут остаться только в верхней и нижней части рамы. Все нужно будет подготовить заранее – и чем бить стекло, и чем встречать тех, кто, если Маринка не успеет, прибежит на шум.

Я поведал девушке свои соображения. Она едва заметно кивнула головой.

– Без куртки я пролезу, уверена. Но вот осколки... Да и неизвестно еще что под окном, и какая высота.

Несколько минут мы обсуждали подробности. Потом я отправился на поиски хорошей дубинки. Наверное, были какие-нибудь способы удалить стекло почти бесшумно, но никто из нас не знал, как. Потому решено было сделать ставку на быстроту.

Я выбрал прочный квадратный брус, «поточил» его о стену, уменьшая шанс получить занозу. Марина сняла куртку, оставшись в тоненькой кофточке, достала из кармашка резинку и стянула свои волосы в хвост. Оказавшись без верхней одежды, да еще и открыв плечи, она стала словно бы еще меньше. Стройная, почти осиная талия, тонкая шея, узкие плечи... Да, пожалуй, эта дюймовочка сможет пролезть. На меня накатила волна какой-то странной нежности. Ведь если вдуматься, история, в которую мы вляпались, была до предела серьезна. Вполне может быть, что попытка выбраться отсюда может кончиться для Марины трагически. Как я буду чувствовать себя, если с ней что-то случится? Пусть мы едва знакомы, но мы оба оказались в одной беде. Страх за эту мужественную девочку, девушку, становился все сильнее.

– Марина, мне не хочется тебя отпускать, – сказал я.

– Не бойся, когда вылезу, я сделаю все, чтобы выпустить тебя.

– Да, к черту! Я за тебя боюсь.

Наверное, она почувствовала что-то в моем голосе. Потому что игриво коснулась своим пальчиком кончика моего носа. Этот жест, такой неуместный в этом вонючем амбаре, убедил меня в том, что она, не смотря на юный возраст, полностью отвечает за свои поступки. Несколько секунд мы стояли в кромешной темноте лицом друг к другу.

– Знаешь, мне жаль, что я не знаю ни одной молитвы, – сказала она.

– Я тоже.

– Тогда: «Крепкого коннекта, быстрого пинга!»

Я с удивлением взглянул на Марину. Пожелание удачи дайверу из романа Лукьяненко звучало так необычно в ее устах и, наверное, жутко неуместно в этом средневековом амбаре.

– Да уж, нашли, где встретиться два компьютерщика. Или ты просто...

– Потом, Дима! Хорошо?

– Если оно будет, это «потом»... – едва слышно выдохнул я и взял поудобнее свою дубину.

Окно разлетелось даже громче, чем я ожидал. Осколки брызнули во все стороны, но основная масса выстрелила все-таки наружу. Повеяло влажным холодным воздухом. Я быстро поводит палкой в раме, вычищая остатки стекла, потом кинул на, если так можно выразиться, «подоконник» свою куртку и подал руку Марине. Она вспорхнула на ящик, вывернулась боком и скользнула между двух прутьев.

В этот момент где-то в тумане я услышал звук хлопнувшей двери.

Словно змея, Марина проползла между прутьев. На какой-то миг мне показалось, что ее бедра станут для этой затеи препятствием, но, кое-как поерзав, она все-таки просочилась. Мелькнули ноги, обутые в модные кроссовки на высокой подошве и – ура! – Маринка была снаружи. Я схватил в одну руку наши куртки, в другую – дубинку и со всей скоростью, на какую был способен при своем самочувствии и кромешной темноте, рванул к двери. Когда я добежал до нее, мое сердце дико колотилось, и перед глазами носились в идиотском кружении искры самых разных цветов и размеров. За всеми этими «причитаниями» организма я не сразу услышал шуршание за дверью.

– Марина? – я боялся, что ответит не она, но услышал знакомый голос.

– Они уже бегут. Можешь потянуть дверь на себя? Засов тугой.

Хоть гипнотический сеанс мне устраивай, совершенно не помню, за что я хватался, чтобы потянуть дверь на себя, но у нас все-таки получилось. Марина отодвинула засов, повиновавшийся с огромным скрипом, и я толкнул дверь. Мне очень хотелось обнять и расцеловать свою спасительницу, но едва я огляделся, понял, что на киношные жесты совершенно нет времени. Сквозь туман с двух сторон к нам спешили сгорбленные тени с факелами. Где-то раздался вой, потом рычание. Пожалев, что не одел хотя бы свою куртку, чтобы освободить руки, я мотнул головой в сторону, за амбар:

– Туда!

– Нет, – отчаянно замотала головой Марина, – за мной.

Я доверился ей, и мы со всех ног метнулись куда-то под прикрытием соседнего строения. Только сейчас я начал понимать, насколько было невероятно все происшедшее. Мы попали в совершенно другой мир. Избы сделанные из бревен, колодец с шестом, напоминающий виселицу, ни намек на асфальт или столб с электрической лампочкой. За брюки цеплялась высокая колючая трава, слишком высокая для апреля. На всем лежала роса. И туман... Мы пробежали метров двадцать, оставляя мрачные тени сбоку. Кто-то закричал на неизвестном языке, но смысл был понятен и так. Наш побег обнаружен и сейчас начнется погоня.

Впереди вырисовался забор, наполовину сколоченный из обрезанных веток деревьев, наполовину представляющий собой живую изгородь. Я понятия не имел, что окажется там, за этим забором, но интуиция подсказывала, что это хоть какой-то шанс на спасение. К счастью забор не был высоким, а

увившие его растения не были колючими. Я помог перебраться через изгородь Марине, бросил ей куртку и в этот миг из тумана появился какой-то зверь, похожий на волка. Позади него слышался шум и крики погони. Скорость и мощь, с которой черная тень преодолела несколько метров, поразила меня. Эх, надо было хоть палку захватить... Увидев моего преследователя, за забором вскрикнула Марина. А зверь был уже совсем рядом. Собрав последние силы, я бросился на забор.

Как в кино, мы разминулись в доли секунды. Где-то внизу, где еще совсем недавно были мои ноги, клацнули челюсти. Но я все-таки успел. Марина в прямом смысле стащила меня с изгороди и под аккомпанемент рассерженного рыка и чужих голосов помогла подняться на ноги.

Я чувствовал себя мочалкой, пропущенной через кузнечный пресс, но, оказавшись в вертикальном положении, заставил себя снова бежать.

Наверное, чудеса все-таки возможны. Изгородь остановила наших преследователей. Возможно, это была лишь краткая фора, возможно, сейчас мы оказались за пределами деревни, где нас мог подстеречь ужас еще более кошмарный, нежели уже встреченный. Возможно... И тем не менее мы оказались на воле.

Не помню, как долго мы бежали. Голова у меня разламывалась на куски, и в боку жутко кололо. Раз или два я чуть не упал, но Марина умудрялась подхватывать меня и, даже не останавливаясь, мы неслись дальше. Все вокруг утопало в белесом тумане. Нас хлестали мокрые ветки, преграждали путь деревья и колючие заросли. Однажды на нашем пути попался небольшой ручей со светящейся зеленоватой водой, в которой плавали извилистые желтые тени. Эта гонку нельзя было сравнить ни с чем. Я вообще не понимал, как держусь еще на ногах, которые в свою очередь неизвестно каким образом находят дорогу в этом, теперь уже очевидно, лесу. Я видел лишь смутный силуэт Марины, неизменно бегущей рядом и туман, туман, туман...

В конце концов, мои силы иссякли и я, споткнувшись о какой-то корень, плашмя растянулся на мокрой траве, сразу почувствовав резкий земляной запах. Насколько я мог понять, погони за нами не было. Осознание этого факта, тщательно вымучиваемое, позволило мне с чистой совестью на несколько минут потерять сознание.

Я пришел в себя и сразу почувствовал у себя на лбу прикосновение маленьких ладоней.

– Маринка... – едва слышно прошептал я.

– Ладно, лежи. Кажется, вырвались.

– Ты не поранилась, ну... когда через окно...?

– Чуть-чуть. Уже внизу рукой на стекло напоролась.

– Покажи.

– Будто ты что-то увидишь, – проворчала она, но покорно протянула руку.

Я все-таки разглядел в сумеречном свете темную ранку в основании большого пальца. Я бы на такое не обратил внимание, но как держится эта хрупкая девушка... Я выковырял из кармана джинсов носовой платок:

– Замотай, наверное.

Маринка взяла, а до меня с запозданием дошло, что я падал на живот, а сейчас лежу на спине. Значит, Марина меня перевернула. Сильная она. И славная. Разглядев в темноте очертания ее лица, я, наплевав на условности, спросил:

– А сколько тебе лет?

Мне показалось, что Марина улыбнулась.

– Ну... почти восемнадцать.

– Черт! – в это невозможно было поверить. Я давал ей в лучшем случае шестнадцать.

– Знаю, я выгляжу моложе. К тому же ты и не рассмотрел меня толком.

– Пожалуй, – мне нечего было больше сказать.

Кое-как я поднялся и сел.

– И что теперь?

– Не знаю.

Я встал и сделал попытку оглядеться. Место, где мы находились, не было похоже на настоящий лес, слишком редко росли деревья. Но, конечно же, это было не доказуемо из-за тумана, да и не имело, в сущности, никакого значения. Здесь пахло травяной сыростью и хвоей, морской запах тумана был почти неощутим. Во тьме звучали какие-то таинственные шорохи, где-то далеко заунывную трель выводила ночная птица. Никаких звуков погони слышно не было.

– По крайней мере, на нас пока никто не нападает, – сказал наконец я.

– Это пока...

Я не знал, что мне сказать. Страх у меня, по сути, не было. Когда нужно было бояться, в моей крови бродил алкоголь на пару еще с каким-то веществом, подсыпанным Анжелой. Затем мне было так хреново, что было не до страха. И, наконец, потом все так стремительно завертелось. А вот сейчас...

– Ты боишься, Марина?

– А ты как думал!?

– Знаешь, ты очень смелая девушка.

– Спасибо за комплимент, но сейчас я боюсь. Очень. Как считаешь, что это за место?

– Лес, – сказал я и вспомнил свои мысли о редких деревьях. – Или не лес.

– Я не о том. У тебя есть хотя бы предположение по поводу того, куда мы попали?

– Параллельный мир, видимо. Туман раскрыл неведомые врата, и переход стал возможен.

– А другой версии нет?

– Есть. Моя бывшая девушка подсыпала мне в вино галлюциноген и все это, включая и тебя, мне просто мерещится.

Марина замолчала. Без особых предисловий я обнял ее. В куртке захрустели, окончательно ломаясь, диски. Я выгреб осколки и выбросил в кусты.

– Слушай, мы не можем просто стоять, – сказал я. – Есть ли у вас план, мистер Фикс?

– Есть, – грустно и тихо отозвалась Маринка древней шуткой. – У меня целый коробок отборного плана.

Мне почему-то вдруг подумалось, что Марина настолько положительна, что, наверное, даже не курит. А вслух я сказал:

– Где бы мы ни были, мы на Земле. Гравитация. Воздух. Растения. Согласна?

– Ага. Как в фильме «Кин-Дза-Дза»: «Солнце там, Ашхабад там. Пошли!».

Я нашел в себе силы усмехнуться.

– Почти. На планете есть ночь, и есть день. Вот мы и будем ждать утра, чтобы решать дальше, что делать.

– Ты предлагаешь устроить ночлег?

– А почему бы и нет!?

– На траве что ли?

Я подумал. Нет, спать на земле, конечно же, не следовало. Можно было бы найти подходящее дерево или... Где-то сбоку затрещала ветка и Марина с силой вцепилась в мою руку. Я не то почувствовал, не то разглядел, как что-то выпорхнуло из дерева и унеслось в туман.

– Птица, – попытался как можно спокойнее прокомментировать я, хотя и у меня сердце конкретно екнуло.

– Нет, я не смогу никак здесь заснуть.

Я вспомнил, как в двенадцать лет отец брал меня на охоту. Мы ночевали в степи, где казалось-то ночью и шуметь нечему, но незнакомых, странных, а порой и страшных, звуков было столько, что я всю ночь не мог заснуть.

– Тогда пошли.

– Куда?

– Вперед. Пока не устанем, чтобы спать, не обращая внимания ни на что.

И мы пошли.

Света едва хватало, чтобы не врезаться в какое-нибудь шальное дерево. Неизвестно, как мы совсем недавно неслись тут, не разбирая дороги. Рука Марины будто случайно оказалась в моей.

– Думаешь, мы сможем вернуться?

Я пожал плечами.

– Если честно, то не знаю. Перед тем как зайти в магазин, я уже побывал в таком провале, но это было недолго, и я вновь оказался на этой проклятой конечной. Сейчас мы, похоже, угодили по самые уши.

– Этот мир будто взят из какого-то ночного кошмара!

– А мне кажется, что он просто другой. Видишь, мы до сих пор живы и, в общем-то, здоровы.

– Ну не знаю...

Я и сам не знал. Ничего. Но чувствовал, что прав. Не ад это, не карта «Дума», просто иная реальность. Чужая. Со своими обитателями и своими заморочками. Правда, хреновая, надо признать, реальность.

– А ты вообще как в магазине оказалась? Из тех краев?

Прежде чем ответить Марина долго молчала.

– У меня там было назначено свидание.

– В этой глуши!?! – удивился я.

Она еще больше затушеввалась.

– На конечной живет мой... друг.

Я не стал ставить Марину в неловкое положение. Если пожелает, расскажет все сама. Но она не спешила с этим.

Земля под ногами пошла под уклон и вскоре мы вышли к руслу высохшего ручья. При нашем появлении из мутных луж поднялся рой светящейся как светлячки мошкары и принялся кружиться, то растягиваясь в ленту, то сливаясь в плотный комок. Марина ойкнула и потянула меня назад. Не

испытывая судьбу встречей с очередной нечистью, мы взяли правее, обходя ручей как можно дальше. Только когда плавающий рой остался далеко позади, мы перевели дух.

– Они словно над трупом вились, – сказала Марина. В ее голосе слышался коктейль из страха, омерзения и безысходности.

На этот раз я ничего не сказал. Склон закончился открытым пространством. Трава исчезла или, вернее, резко уменьшилась в размерах. Опустив руку вниз, я понял, что она скошена. Светлые высохшие стебли жесткой неровной щетиной торчали из земли, срезанные по всей видимости косой. Пахло сеном, это был, по сути, первый приятный запах этого мира.

– Здесь косили траву? – спросила Марина.

– Да, похоже, – я задумался о том, что это может нам дать. Наверное, траву вывозили, а значит где-то рядом тропа или дорога. Вот только пугаться нам этого факта или нет?

Я сказал о своих мыслях Марине. Несколько секунд она напряженно думала.

– Вообще-то хорошо бы знать, с какой стороны ждать неприятностей, но, согласись, нам все равно ничего не найти в этом тумане.

– Пожалуй. Но, может, все-таки попробуем?

– Ладно.

Мы вернулись к границе скошенного поля и неспешно пошли по периметру. На удивление это оказалось несложно. Я шел по высокой траве, Маринка – по скошенной. При этом, чтобы не потеряться, мы держались за руки. Некоторое время мы брели молча, потом я спросил:

– Там, в той избе, я не успел тебя спросить. Фраза про коннект...

– У нас в чате на «Флостоне» так привыкли говорить. Я знаю, что это из «Фальшивых зеркал».

– Так ты все-таки хакер?

– Нет, не хакер, конечно. Но компьютер и и-нет... пожалуй, это часть моей жизни. Неотделимая.

– А я думаю, что это ты такая бодрая? – сам я уже несколько раз зевал, – Сейчас ведь где-то часа два ночи, – Время я назвал совершенно приблизительно, часов у меня не было.

Марина невозмутимо нажала кнопку подсветки на своих маленьких электронных часах.

– Двадцать минут перв... – начала она и замолчала на полуслове, – Эй, ты посмотри только!

Марина показала мне экранчик. То, что я увидел, было вообще невероятно. Секунды сменялись с переменной скоростью. Цифры то застывали, словно в замедленной съемке, то бешено ускорялись. Она опустила руку и вздохнула с какой-то чувственной безысходностью:

– Нам отсюда не выбраться.

Я хотел возразить ей, но не смог.

Метров через сто перед нами из мглы вынырнуло странное строение. Фактически мы уперлись в него, и настороженно замерли, готовые в любой момент сорваться с места. На полуметровых бревнах, торчащих из земли, лежал небрежно сколоченный из досок настил, прикрытый сверху такой же деревянной крышей. На настиле что-то лежало.

– Дима, что это?

– У меня лишь одна версия – это для хранения сена.

– М-да, городские жители... Сено хранят в стогах, разве не так?

– А в этом мире его хранят так, – я подошел поближе, – Смотри, судя по сваям, тут бывают наводнения.

– И сколько таких штук нужно на одно поле? – не унималась Марина.

– Хм, ну не знаю я! Может их тут немеряно. Разве разглядишь в темноте.

Мы подошли еще ближе. «Что-то», лежащее на настиле оказалось действительно сухой травой. Но ее было немного. Я обошел конструкцию вокруг, она была достаточно больших размеров, вполне способной вместить по площади небольшой грузовик. В одном месте из доски торчал обломок чего-то вроде косы, но в целом, кроме небольшого слоя сена на помосте ничего не было.

– Угадай, о чем я думаю?

– Здесь можно переночевать.

– Именно.

Я принялся к разбросанной траве, на всякий случай проверяя, не дурман ли какой растят на этом поле. Трава пахла травой и я, забравшись на настил, принялся сгребать ее в кучу. Маринка стояла рядом, глядя на мои манипуляции.

– Димка, а не опасно здесь? – спросила она и первый раз зевнула.

– Мы можем дежурить, – сказал я, сам не веря в свои слова. Мы оба слишком устали, для всяких военных игр, хотя по сути несение караула не помешало бы.

Марина потрогала доски настила и, убедившись в их прочности, забралась ко мне.

– Да что это даст, если они всем скопом навалятся?

Я присел рядом с ней, коснулся руки.

– Прости, мне очень бы хотелось сказать, что все будет хорошо, что мы уснем и проснемся в нашем родном мире, а еще лучше, что все это окажется сном. Но я не могу. Никогда не умел «по ушам ездить». К тому же у меня только и осталось сил, что сгрести это проклятое сено.

– А обнять меня у тебя хватит сил?

Я вздохнул.

– Только в горизонтальном положении.

Мы легли на собранное в кучу сено и прижались друг к другу, неожиданно обнаружив, что сильно продрогли. Вообще-то местный климат был потеплее нашего, но сырость, вызванная туманом, давала какое-то неуютное ощущение промозглости осеннего вечера. К утру наша одежда, наверное, промокнет от влаги. Если оно вообще будет, это утро.

Лицо Маринки оказалось совсем рядом. Я аккуратно убрал прядь волос, упавшую ей на глаза, провел рукой по щеке, ощущая мягкую бархатистость кожи. Даже теперь, зная ее истинный возраст, я не мог отделаться от иллюзии, что рядом находится пятнадцатилетняя или шестнадцатилетняя девчонка. Все это было так безумно – и плен, и гонка во мраке, и тот жар, что я испытал сейчас, когда Марина чуть сильнее прижалась ко мне, и я даже сквозь куртку ощутил приятную упругость юной груди. Чтобы не поддаться чарам ее обладательницы, я сказал:

– Твой друг счастливчик, раз такая славная девушка приехала к нему даже сквозь туман.

Несколько секунд Марина молчала, потом обронила:

– Он не пришел.

– Кто?

– Тот, кого ты назвал другом.

– Ты сама его так назвала пять минут назад

Она вздохнула.

– На самом деле мы виделись лишь два раза. Его имя – Виталик. Я познакомилась с ним в чате на «Флостоне».

– А «Флостон» – это что?

– Просто классный молодежный сайт, где можно найти друзей, потусоваться в чате, скачать модную музыку. А ты в каких-нибудь чатах бываешь?

Я усмехнулся:

– Солнышко, у меня не то, что и-нета, даже телефона нет. Я студент. Снимаю дешевую квартирку и перебиваюсь на воде и хлебе.

Шутка не прошла.

– Я тоже студентка. Первый курс экономического колледжа. А у тебя курс...

– Четвертый, – задумчиво ответил я, вдруг обнаружив, что, назвавшись студенткой, она стала в моих глазах еще старше, – Знаешь, я...

Фразу договорить я не успел. Воздух над нами с выразительным «взжж» пронзил какой-то желтоватый огонек. За ним последовал еще один, и еще. С десятков огоньков, оставляя за собой быстро гаснущий шлейф света, на высокой скорости пронеслись в метре над крышей нашей конструкции, собрались в стайку, сделали вираж, рассыпались в стороны и вновь собрались. Все это действие чем-то отдаленно напоминало кружение мошкары над ручьем, только вот масштабы и скорость маневров были покрупнее. Маринка сжав зубы, испуганно вцепилась в меня. Туман над ближайшей частью поля заполнился желтоватыми отблесками, потом танцы скоростных светлячков перенеслись дальше к лесу. Эта картина что-то напомнила мне, но я никак не мог вспомнить, что. Помогла Марина, едва слышным голосом прошептавшая:

– Half-life.

Ну, конечно, же! Эти светлячки напоминали биологическое оружие из этой непревзойденной игрулины. Огоньки тем временем снова вернулись. Бешенство их танца заставляло затаить дыхание, но скорее от красоты представления, нежели от страха. Что, казалось, могут натворить такие милые шустрые светлячки? Оказалось, однако, многое. Когда мгновением позже откуда-то из травы подала встревоженный голос проснувшаяся птица, светлячки всем скопом ринулись туда. Их огоньки окончательно растворились в тумане. До нас донеслось отчаянное трепыхание крыльев, истощный птичий крик и все это на фоне безумного пчелиного «взззз».

Пару минут мы были не в силах пошевелиться. Вперив взгляд во мрак, где исчезли эти бестии, мы с ужасом ожидали их возвращения. Прошло еще немного времени. Когда стало ясно, что опасность миновала, Марина нарушила тишину:

– Знаешь, я еще ни разу не была с мужчиной

Я среагировал с трудом, полностью поглощенный только что увиденными странными существами, которые набросились на беззащитную (надо полагать) птицу и о вероятности нам самим стать их жертвами. Перед моими глазами нарисовалась картина, как стая обволакивает трепыхающееся тельце и как потом уносится прочь, шлейф света медленно тает за исчезающими огнями и...

– Что ты сказала? – до меня дошло, как серьезно это заявление и сколько переживаний и чувств в этом откровенном признании.

Марина молчала. Мне казалось, что она вот-вот готова расплакаться. Я провел рукой по ее волосам с застрявшими веточками и травинками, совершенно не зная как себя вести и что говорить. По-моему, для такой стройной и симпатичной девчонки совсем не проблема найти парня, ну разве что дело еще в чем-то. Ох, уж эти женские проблемы... Родительское воспитание? Невезение, вроде как у меня? Гадать слишком долго не пришлось. Собравшись с силами, Марина через некоторое время продолжила сама:

– Понимаешь, я не знаю, почему так сложилось. Просто все парни вокруг... – она волновалась, голос неуверенно дрожал, – Среди них не было никого... никого стоящего. Или, может, я не разглядела. Потом я познакомилась с Виталиком. Мы переписывались, это было так здорово. Я практически влюбилась в него. Хотела уже... ну, чтобы он стал моим первым... А он... просто не пришел. А теперь я чувствую... чувствую...

Маринка стала совсем запинаться и тогда я молча привлек ее к себе и, стараясь быть понежнее, поцеловал. На миг она замерла, потом ответила. Когда наши губы разомкнулись, она спросила:

– Почему в жизни все не так, как хочешь?

– Не знаю, – совсем тихо сказал я, – Но так всегда получается.

Ну, действительно, все чего я хотел вчера – без приключений добраться домой, и лечь спать. Разве это было какое-то невыполнимое желание? Или у судьбы на меня были какие-то свои планы? Или не у судьбы, у Тумана.

– Знаешь, – совсем уже несмело начала Марина и я понял, что она так и не досказала самое главное, – если это наш последний день, то есть ночь...

Она могла не продолжать. Я все понял и вновь ее поцеловал. Только мой поцелуй на этот раз длился значительно дольше и имел продолжение.

На какое-то время мы полностью обо всем забыли, два загнанных человеческих существа, потерявшие свой мир и не верящие ни в какое завтра.

Я проснулся от треска ломаемых сучьев где-то неподалеку. Быстро разлепив глаза, я попытался оценить обстановку. Дело, видимо, шло к утру. Туман никуда не делся, но как-то побледнел и пошел клочьями. Небо посерело, окружающие предметы стали более резкими. Мы все так же лежали на деревянном помосте на краю поля. Маринка спала, и в предрассветных сумерках мне показалось, что она чуть улыбается во сне. Я поправил сползшую с нее куртку и принялся озираться в поисках источника звука. Поиски не были долгими. Метрах в двадцати от нас, там, где деревья и кусты почти вплотную подступали к полю, я увидел крупное четвероногое существо, чем-то похожее на большого бегемота, но с длинной изогнутой шеей и более стройными ногами. Зверь только что выбрался из зарослей и водил теперь своей подвижной головой из стороны в сторону. Когда его мутные серые глаза уставились на меня, сердце мое подпрыгнуло в груди и дико заколотилось. Еще секунда и я бросился бы будить Марину, но животное с безразличным видом отвернулось и, отойдя на пару шагов, преспокойно стало щипать травку. Минут пять я в оцепенении наблюдал за этим процессом, безуспешно пытаясь унять бешеный пульс. Травоядное...

Вскоре животное удалилось, растворившись в тумане, а я медленно слез с помоста. Трава была мокрой как после дождя. Я размял затекшие ноги, отойдя, «слился с природой». Во рту было сухо, и в желудке словно болталось что-то тяжелое, но голова не болела, и других симптомов похмелья тоже не наблюдалось. Я вернулся к месту нашего ночлега. За все время пока рядом пасся этот зверь, Маринка даже не пошевелилась. «Спит как младенец» – подумалось мне, но тут же вспомнилось, что было между нами ночью. Нет, совсем не младенец... Теперь, когда немного расцвело, я смог как следует рассмотреть свою подругу по несчастью. Красивое личико, чуть вздернутый носик, маленькие губки. Прямые светлые волосы. Она была очень симпатичной, даже красивой. Маленькая принцесса. Я наклонился и нежно дотронулся губами до ее лба. Марина чуть заворочалась, но не проснулась.

Я присел на край настила, размышляя. Что же теперь? Утро почти наступило. Чудес не произошло.

Стало еще светлее. Туман пошел полосами. Подул ветер. Я ощутил принесенную им свежесть и глубоко вдохнул прохладный воздух. Мне показалось, с появлением этого бриза что-то вокруг неуволимо изменилось, но ощущение было очень призрачным...

Где-то запела птица, подхватила вторая. Я не заметил в пении ничего необычного. Насекомое, напоминающее голосом сверчка, застрекотало в траве у моих ног. Какой-то далекий гул раздался за лесом и через некоторое время плавно стих. Странно, но он показался мне чем-то знакомым...

Через секунду я уже будил Марину.

– Вставай, милая, вставай! У нас, кажется, появился шанс.

Она подорвалась с удивившей меня быстротой и, протирая глаза и зевая, села на помосте.

– Что? Что случилось?

– Мне кажется, я слышал машину.

– Машину!? – Марина принялась торопливо застегивать куртку, – Ты не ошибся?

– Не знаю. Это было там, – я махнул рукой в сторону леса.

– Пошли.

Ускоряя шаг, мы направились к деревьям. На полпути не выдержали и побежали.

Лес был достаточно редкий, в основном заполненный невысокими скрученными деревцами и гибким кустарником. Иногда попадались небольшие темно-зеленые сосенки. Среди высокой травы кое-где желтели мелкие цветы. Я двигался первым, немного петляя, и порой придерживая мокрые ветки перед торопящейся вслед за мной Мариной. Туман стал еще реже, воздух вокруг чуть посветлел. Через некоторое время под ногами стали попадаться прошлогодние листья взамен густой травы, и я мысленно стал молиться.

И тут где-то за деревьями впереди по курсу снова раздался тот же звук. Машина. Гул становился громче и мы рванули к нему что было сил, не разбирая дороги. Конца лесу не было видно из-за тумана, но я чувствовал, что он рядом. Гул мотора изменился в тональности. Я понял, что это грузовик и что он приближается.

– Смотри, – Там, куда махнула рукой Маринка, я увидел смятую пластиковую бутылку из-под «Пепси», валявшуюся под елкой. Никогда еще я не был так счастлив простому человеческому мусору. Через три метра в корнях мелькнула выцветшая сигаретная пачка, и я рассмеялся от радости.

Деревья, тем не менее, никак не кончались, а грузовик уже миновал точку максимума звука и стал удаляться. Понимая, что нам, скорее всего, не успеть, мы все-таки рванули еще чуточку быстрее.

И тут, словно вняв нашим мольбам, грузовик затормозил. Резко. Я слышал, как скользят юзом его колеса. Это было совсем рядом. А в следующий миг мы, наконец, выскочили на дорогу.

Перед нами было шоссе, самое обычное, с размытым по краям асфальтом, и давно стершейся разделительной полосой. Но это было лучшее шоссе в нашей жизни, потому что оно означало конец кошмару. Справа, метрах в сорока от того места, где мы вылезли из леса, стоял большегрузный трейлер. Его двигатель работал. Размытые круги красных фонарей, словно два суровых глаза, смотрели на нас сквозь медленно улетающую дымку тумана. Я не понял причину остановки грузовика, пространство перед ним почти не просматривалось, но в тот момент, это было совершенно не важно. Собрав последние силы, мы выбежали на середину дороги и, крича во всю глотку, побежали к водителю. Подбегая к самой кабине, я увидел впереди какие-то неясные тени, метнувшиеся за противоположную обочину. У меня мелькнула полубессвязная мысль, что это и могло стать причиной остановки, и в этот миг дверь кабины распахнулась и на нас уставилась удивленная небритая физиономия в кепке, задавшая совершенно необычный вопрос:

– Вы *это* видели?

– Чего мы только не видели, – пролепетал я, и это было последнее, на что у меня хватило сил.

Каким-то чудом я доковылял до подножки, и, уцепившись за нее, принялся восстанавливать дыхание и умирять звезды, летающие перед глазами. Как сквозь сон я слышал, как Марина говорит, про то, что мы заблудились, и просит довести нас хоть куда-нибудь, а потом что-то со мной случилось, и я пришел в себя уже в кабине грузовика. Я держал в руках термос с горячим чаем. Рядом сидела Марина, обняв меня за плечи. Мы ехали, пробивая остатки тумана мощными фарами. Часы на приборной доске показывали начало восьмого. Дядька в свитере и кепке большими замасленными руками сжимал руль. И рассказывал:

– ...груз доставить. Если не успею, стало быть, никаких надбавочных. Ну и решил ехать в ночь. А тут как назло напарник заболел и туман этот... Ни зги не видать. До десяти часов полз кэмэ 30 не больше, пока движок не перегрелся. Устал чертовски. Решил, ну и хрен с ним, с грузом, с деньгами, жизнь дороже, – он вытянул из кармана пачку сигарет, предложил нам, но мы отказались, – Не курите? Это правильно, – он прикурил, спрятал пачку, – Доехал я до заправки на 25-м километре. Казалось бы, и город рядом, а чувствую, не дотяну, ля! Да еще и эта чертовщина мерещится. Или не мерещится, взаправду... Не знаю. Я ведь чего первым делом про тварей этих спросил, которые дорогу мне перебежали, – видите ли вы их? Ребята с заправки ничего не видели. Над колонкой летучие мыши белого цвета порхают, а они – не видят. Пить, говорят, меньше надо, дядя Сева. А я уже год в завязке, с тех пор, как дедом стал. У меня дочка вот с тебя возрастом, – он кивнул Марине, – молодая. Только школу закончила, а уже – фить – и замуж. Ну, да ладно. Муж у нее ничего, без выкидонов, мебелью занимается. Даст Бог, уживутся.

Появилась первая встречная машина. «Волга» со служебными номерами. Дальнбойщик вежливо принял вправо и, для контроля взглянув в зеркало заднего вида, продолжил:

– Ну, так вот, на заправке..., – он помолчал, то ли решая, стоит ли об этом говорить, то ли просто вспоминая, – Всадника я видел. В доспехах и плаще. Он в пяти шагах от меня пронесся, даже ветром обдало. А еще, когда я по нужде вышел, меня чуть веткой дерева не пришибло. Будто сама двигалась. Чудно! И страшно. Закрылся я тогда в машине, даже груз толком не проверил, как это следовало бы. А утром, лишь посветлело, в путь тронулся. Проехал километров десять, а тут... Сначала гиппопотамы эти, потом вы. Как вообще в лесу-то оказались?

Марина взяла инициативу в свои руки и поведала сочиненную на ходу легенду про то, как друзья позвали нас на дачу, а мы, решив пройти к дачному поселку короткой дорогой, заблудились в тумане и ночевали в каком-то заброшенном домике. Выдуманная история плохо стыковалась с географией, но рассказывать всю правду про прорыв в другой мир было как-то стремно, пусть даже и сам дядя Сева лично столкнулся с неведомым. Кое-какие детали, однако, были нужны.

– Волка мы видели огромного, и мошкарку всякую светящуюся, – сказала Марина.

– А... этих?

– И бегемотов ваших тоже, – подал голос я. Марина бросила на меня вопросительный взгляд, и я пояснил, – Ты спала, – и к водителю, – С длинной шеей такие, да?

– Верно-верно! Как ломанутся, слушай, через дорогу, аж сердце в пятки, ушло, ля. Целая стая. Такие в клочья разорвать могут.

– Они травоядные... – как-то совсем уже беззвучно произнес я.

Мы миновали перекресток, затем мост. Туман исчезал. Видимость значительно улучшилась. Небо приобрело светло-белый оттенок кое-где с голубоватым отливом. Появились и другие участники движения. Навстречу попался микроавтобус. Что-то солидное, вроде «мэкса» обогнало нас. Еще через пару километров мы увидели вышагивающего по обочине мужичка с удочкой. Почему-то он напомнил, что сегодня суббота и теоретически у меня две пары. Я украдкой улыбнулся. Институт... Немыслимая вещь!

А дядя Сева все рассуждал про очевидное и невероятное с точки зрения логики простого человека...

Он высадил нас у первых жилых домов, а сам свернул в сторону окружной, посигналив на прощание. Мы помахали ему вслед, а потом, повернувшись, одновременно вздохнули. Несколько секунд я смотрел в глаза Марине, а потом сгреб ее в охапку и расцеловал.

В этот момент ненавистную белесую дымку пробил первый лучик солнца.

Такая вот история, Вадик. Со всеми подробностями, включая личные. Ты мой друг, поэтому я не стал ничего опускать. Знаю, тебе можно доверять. Извини, что так долго тянул с этим. Понимаю, что тебе, как редактору сайта о невероятных явлениях, давно уже хотелось заполучить мой рассказ. Вот, наконец, он у тебя. Я постарался оформить все как следует, по-литературному, ну и, естественно, сменил имена в отправленной тебе версии.

«За кадром», что называется, мне осталось добавить совсем немного. Ты был в курсе основных событий моей жизни. И раньше, когда мы жили в одном дворе и теперь, когда ты «с потрохами» перебрался в столицу. Интернет помогает. Ты был на нашей с Мариной свадьбе. Про дочку нашу Василису слышан. Ей, кстати, скоро четыре с половиной годика будет. Теперь и про историю нашего знакомства знаешь абсолютно все. Ну, разве что один деликатный момент сообщить осталось. Не то, что это является большой тайной, однако о вещах таких, сам понимаешь, так просто не говорят. Но тебе, думаю, можно. В общем Василисочка наша зачата была именно в ту ночь. И факт этот иногда заставляет меня кое о чем задуматься.

Дело в том, что водила тот, подвозивший нас утром, сообщил очень интересный факт. Подавляющее большинство людей ничего странного в ту ночь не видели. Совершенно ничего. А о тех, кто побывал бы в ином мире, как мы, я вообще не слышал, хотя и очень пытался узнать. Уж не знаю, чем мы таким особенные, но что, если действительно так? Есть что-то... А представь, эта наша особенность может передаваться по наследству, усиливаться в детях, если такими качествами обладают оба родителя? А если принять во внимание, в каком месте мы подарили жизнь нашей дочке... Видишь ли, не просто так я задаю себе эти вопросы. Иногда я замечаю, что Василиска как бы видит что-то невидимое для остальных. Уставится в пустоту, губками шевелит. Не знаю, что и думать. Слава Богу, при этом ей совсем не страшно. Нет такого, чтобы боялась темноты или еще чего. Смелая, в общем. Вся в маму.

Знаешь, рассказывая про это, я втайне надеюсь, что это подхлестнет тебя приехать к нам погостить хотя бы ненадолго. И-нет и-нетом, а я был бы очень рад тебя видеть лично. Думаю, и Маринка моя тоже. Весна у нас – просто чудо. Тепло, солнышко, деревья цветут. За город выберемся. Шашлычок, вино. Соблазняйся, одним словом. Должны же люди когда-то и по-настоящему отдыхать. В реале.

Вадик, как хорошо, что я еще не отправил до сих пор тебе это письмо. Я не знаю, как возможно такое совпадение, но тот Туман, похоже, возвращается. Уже с обеда небо затянуто какой-то серой

пеленой и пахнет морем, совсем как тогда. И еще из разряда совпадений: сегодня тоже пятница. Если честно, я боюсь. Совсем не хочется, чтобы тот кошмар повторился. Тогда, в ту ночь, пять лет назад, на самом деле исчезло немало людей. Я видел объявления «разыскиваются» в прессе и по «ящику». Один из потерявшихся был тем самым Виталиком, с которым у Марины было назначено свидание. Я, правда, так и не сказал ей про это...

В общем, я не хочу оставаться в городе. Мои родители живут за восемьдесят километров. Думаю, это достаточное расстояние для бегства. Пять минут назад я звонил на автовокзал и узнал расписание автобусов. Ближайший – через два часа. Как раз хватит времени, чтобы забрать Василису из садика и собрать вещи. Марине я уже сообщил. Она абсолютно согласна со мной в том, что нам лучше не оставаться в городе. Я жду ее с работы с минуты на минуту.

Короче, все. Мне пора. Вернусь – напишу. Если вернусь.

3. БЕГСТВО

Несколько машин и автобус остановились перед закрытым шлагбаумом. Игорь оказался в этом ряду первым, ему не хватило всего нескольких секунд, чтобы проскочить. Он оглянулся посмотреть, догоняет ли их туман. Горизонт уже исчез за белесой дымкой, небо приобрело молочный оттенок. В воздухе отчетливо пахло морем.

– Убежим? – с затаенной тревогой спросила Полина.

– Надеюсь, – ответил он и потянулся за сигаретой.

С заднего сиденья подал голос Роджер.

– Что, мальчик, хочешь наружу? – Игорь, обернувшись, погладил пса. – Сейчас.

Он открыл дверь и собрался выйти.

– Куда ты?

– Проходит большой товарняк. Мы будем стоять минут пять.

В подтверждение его слов к поезду на черепашью скорости подполз поезд. Хвост состава терялся в туманной мгле. Игорь подкурил и отошел за обочину. Роджер подбежал к ближайшему кусту. Глядя на него, в других машинах тоже стали открываться двери. Даже из автобуса вышло несколько пассажиров.

Игорь задумчиво прошел по обочине немного назад. Дорога вдали уже растворилась в тумане. Молочное небо словно упало на землю, просочившись во все трещинки. У всех автомобилей были зажжены габаритные огни или даже ближний свет. О приближении новых машин сообщали размытые световые пятна. Игорь оглянулся. Хвоста поезда по-прежнему не было видно. Он прошел еще несколько метров, случайно остановившись рядом с молодым парнем, вышедшим из автобуса вместе с девочкой лет четырех-пяти. Они тоже смотрели в сторону приближающегося тумана. А девочка...

Василиса заерзала на руках Дмитрия:

– Мама, папа, давайте выйдем.

Марина внимательно склонилась к ней:

– Ты хочешь в туалет?

– Нет, я хочу посмотреть на драконов.

– Каких драконов?

– Там, в тумане.

Марина и Дмитрий переглянулись.

– Доча, нельзя. Автобус скоро поедет

– Нет, – Василиса упрямо замотала головой, – мы еще будем стоять. Спросите у дяди шофера.

Водитель, полноватый мужчина лет сорока, услышав их, обернулся:

– Если хотите, у вас есть пять минут. Грузовой состав на этом перегоне – это надолго. Только не уходите никуда.

– Ну, хорошо, иди с папой.

Они вышли из автобуса. Поезд со знакомым с детства перестуком двигался через перегон. Цистерны, контейнеры, платформы, проплывали с раздражающей медлительностью. Кое-кто тоже вышел из машин. Мужчина чуть за тридцать, нервно курая, приблизился к ним. У его ног, послушно виляя хвостом, остановилась собака. И мужчина, и пес смотрели в направлении наступающего тумана. Дмитрий посмотрел на Василису, неотрывно глядящую в серое небо над дорогой, видя что-то доступное лишь ей.

– Папа, а почему мы убегаем от тумана? – вдруг задал вопрос ребенок.

Игорь машинально обернулся на эти слова, встретившись взглядом с парнем. Его лицо, на котором в этот момент читалось волнение и тревога, показалось Игорю смутно знакомым, но он не мог вспомнить,

где они могли встречаться. Папа девочки странно молчал, не находя, что ответить своей дочери. Тогда сказал сам Игорь:

– Потому что в этом тумане можно потеряться и никогда не найтись.

Несколько секунд двое мужчин пристально смотрели друг на друга. Где-то в подсознании у Игоря проснулось какое-то непонятное необъяснимое чувство вины то ли за то, что он только что сказал, то ли за что-то давнее и забытое. Пару мгновений он пытался понять причину этого чувства, потом вдруг услышал, что Полина зовет его. Обернувшись, Игорь увидел, что поезд почти прошел и вот-вот откроется шлагбаум. Не говоря больше ни слова, он побежал к своей машине. Негромко твякнув, Роджер понесся за ним.

Через минуту переезд, медленно съедаемый туманом, остался позади.

КОНЕЦ

Ноябрь 2001 – Март 2002